

Дмитрий М. Петров

The background of the cover is a blue-toned map of a city, likely St. Petersburg, with street names in Cyrillic. Overlaid on this map is a large black silhouette of a person's head and shoulders in profile, facing right. Inside the silhouette of the head is a complex, multi-layered gear mechanism, suggesting a theme of time, mechanics, or intellectual complexity.

ВОПРОС ВРЕМЕНИ

Приключения Кирилла Воронина

Дмитрий Петров

Вопрос времени

<https://litres.ru/74311972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студент-филолог Кирилл Воронин не искал приключений. Но найденная в старинных карманных часах подсказка указывает на тайники с частями последнего императорского пасхального яйца Фаберже — «Созвездия Цесаревича», которое мастер не успел завершить.

Теперь Кириллу предстоит разгадать цепочку загадок, уйти от погони и рискнуть жизнью. И противостоять ему будет не только безжалостный наёмник таинственного Коллекционера, но и человек, который сто лет назад уже охотился за тем же самым сокровищем. И если Кирилл проиграет эту гонку, легендарное «Созвездие» окажется утрачено навсегда.

«Вопрос времени» — вторая книга цикла, приключенческий детектив, в котором две эпохи сталкиваются в погоне за одним сокровищем.

Содержание

Глава	4
Пролог 1	5
Пролог 2	9
Глава 1	11
Глава 2	33
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	61
Глава 6	76
Глава 7	85
Глава 8	98
Глава 9	107
Глава 10	116
Глава 11	120
Глава 12	128
Глава 13	134
Глава 14	144
Глава 1	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Дмитрий Петров

Вопрос времени

Глава

Дмитрий М. Петров
ВОПРОС ВРЕМЕНИ

*Посвящается моей жене Ане, без которой ничего бы не
получилось*

*Злых людей нет на свете, есть только люди несчастли-
вые*

*Популярный парафраз слов Иешуа Га-Ноцри.
М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»*

Пролог 1

Петроград, 1918 год

Клубы густого пара заполнили воздух над перроном Николаевского вокзала. Поезд готовился отправиться в Москву, поэтому большинство пассажиров уже сидели в вагонах. На пустеющем перроне оставались только двое мужчин.

— Ты уверен, что это имеет смысл? — негромко спросил один из них, внимательно осматривая только что полученный саквояж. Ему было около сорока лет. Мягкость и даже некоторая робость на лице вкупе с круглыми очками без оправы создавали образ истинного интеллигента.

— Безусловно, — отозвался другой. Он выглядел чуть старше своего собеседника. В глазах застыли лёгкая печаль и усталость. Лицо осунулось и потеряло румянец, усы и борода отросли и теперь казались неухоженными.

— Но у нас больше нет императора! Значит, и обязательств перед императором тоже нет.

— Это неважно, — покачал головой старший. — Наша фирма всегда выполняла договорённости и доводила работу до конца. И этот заказ мы тоже выполним, сколько бы времени ни потребовалось.

— Да? И кому же мы его передадим?

— Найдётся кому. Наследников осталось много, пусть все они и разбежались по Европе. Главное, что «Созвездие» бу-

дет создано. Этот заказ — возможно, последний — обязательно должен быть завершён.

Младший глубоко вдохнул холодный сырой воздух. Откуда-то донёсся окрик проводника, подгоняющего пассажиров на посадку. До отправления оставались считанные минуты.

Старший из мужчин продолжил:

— Поскольку отец ликвидировал фирму и собирается покинуть страну при первой возможности, этим придётся заняться нам с тобой.

Младший помедлил и с тоской в голосе спросил:

— А Агафон?

В ответ — пауза и тяжёлый вздох.

— Агафон... по-прежнему не хочет иметь с нами ничего общего. Он всё так же обижен на отца и отчего-то на нас с тобой. Так что на него мы рассчитывать не можем — будем действовать сами. Я закончу дела здесь, спрячу всё, что удастся, а ты изобразишь недостающие части «Созвездия» и спрячешь их в Москве. Как только закончим... — он взглянул на собеседника глазами, полными печали, — последуем за отцом.

Повисла тишина. Младший нервно кусал губы, пока наконец не спросил:

— Почему Москва? Почему ты не хочешь спрятать «Созвездие» в Петрограде?

— Потому что там безопаснее — вот и столицу туда перенесли. Представь, что теперь начнётся здесь! Пусть немцы

городу больше и не угрожают, но красные могут окончательно его разорить.

— Но ведь недавний закон...

— Новой власти никакой закон не указ, — тихо проговорил старший, — даже ею же самой и написанный. То, что они запретили грабить иностранцев, а отец сдал дом в аренду швейцарскому послу, едва ли сохранит наше имущество. У них каждый комиссар себе на уме, а солдаты и матросы — и подавно.

Младший посмотрел на циферблат карманных часов на длинной цепочке и тревожно оглянулся на поезд.

— Но почему ты хочешь, чтобы «Созвездие» было разделено? Не лучше ли спрятать всё целиком?

— Так надёжнее. Мы не знаем, сколько частей удастся спасти, но если сохранится хотя бы что-то, грамотный ювелир сможет изготовить недостающее по отцовским эскизам — не потеряй их. Поэтому, когда всё будет готово, раздай части «Созвездия» надёжным людям, о которых мы с тобой говорили, а остальное спрячь в наших тайниках — вся необходимая информация записана в дневнике. Как только исполнишь все инструкции, уничтожь дневник — никто, кроме нас с тобой, не должен знать, где находятся все части. Себе оставь самое главное — ключ. Его мы без проблем сможем провезти через границу. Когда эта красная чума схлынет и мы сможем вернуться, ключ нам пригодится. Он уникален, и вряд ли кому-то удастся повторить его в точности,

поэтому береги его как зеницу ока!

Прозвучал последний свисток, и поезд с тяжёлым лязгом тронулся. Младший посмотрел на уходящий вагон, затем перевёл тревожный взгляд на старшего.

— Прощай, брат.

Тот грустно улыбнулся и ответил:

— Не волнуйся, мы ещё обязательно увидимся. Так что до встречи!

Младший вскочил на подножку вагона и бросил брату, который побрёл по перрону рядом с набирающим ход поездом:

— Ты правда веришь, что нам это удастся? Что «Созвездие» когда-нибудь будет собрано?

— Обязательно, — ответил старший. — Это всего лишь вопрос времени.

Пролог 2

Москва, 2022 год

Продать часы — что может быть проще? По крайней мере, так казалось в самом начале этой истории. А теперь?

Кирилл сильнее прижался спиной к холодному камню, будто это могло его спасти.

— Как думаешь, после какого выстрела плита расколется? — донёсся до него издевательский крик злодея. — Я ставлю на три!

«Что ж, вполне может быть», — мелькнула обречённая мысль.

Очередной выстрел. И снова Кирилл почувствовал толчок пули в камень и услышал, как за спиной осыпается крошка.

— Кажется, я уже вижу трещину! — не унимался бандит. — Готов доверить свою жизнь прочности булыжника?

«Не хотелось бы, но... какой у меня выбор? — Внутренний голос прозвучал с какой-то неуместной усмешкой. — Неужели остаётся только сидеть и ждать?»

Говорят, на пороге смерти человек вспоминает всю свою жизнь. Вряд ли под «порогом смерти» подразумевается беспомощное ожидание решающего выстрела, но Кирилл, тем не менее, вспомнил.

Вспомнил, с чего всё началось.

В голове пронеслись события последних дней. Каждое

действие, каждое сказанное слово, каждое принятое решение — всё это привело его сюда, в эту точку времени и пространства. Мог ли он что-то изменить? Мог ли в какой-то момент поступить по-другому, чтобы не сидеть сейчас, спрятавшись за каменной плитой от выстрелов безумного злодея?

И неожиданно для себя Кирилл понял: да, мог. Ему следовало просто выбрать синицу в руке и сделать то, зачем он и отправился в часовой салон — продать чёртовы часы.

Вот только... было бы это на самом деле так просто.

Глава 1

Москва, 2022 год. Тремя днями ранее

Началось всё, если подумать, с банальной пробежки.

Солнечное воскресное утро, середина марта — что может быть лучше для занятия спортом? Весна только-только начала вступать в свои права: да, ночные заморозки ещё случались (как, например, прошедшей ночью), но днём температура иногда уже поднималась до приятных плюс десяти, которые синоптики обещали и сегодня. Жители столицы наверняка воспользуются наступившей оттепелью и вскоре заполнят парки и бульвары, наслаждаясь долгожданным весенним теплом. Но сейчас, ранним утром, Кирилл Воронин был на стадионе один.

Бежал он легко, дышал, как полагается, через нос, стараясь не сбить дыхание, ноги на землю ставил ритмично, уверенно и бесшумно — настолько, насколько позволяло резиновое покрытие дорожки. Взлохмаченные чёрные волосы трепал встречный ветер, щёки пылали от нагрузки, а глаза сияли синевой, будто отражая безоблачное небо.

Преодолев очередной вираж, Кирилл увидел прямо перед собой величественное здание Московского государственного университета: жёлто-серая громада возвышалась над едва проснувшимся городом. Он невольно замедлил бег — наслаждаться великолепным зрелищем хотелось как можно долъ-

ше. Кирилл учился в университете уже третий год, но вид грандиозного строения вызывал всё ту же бурю эмоций, что и при первой встрече.

— Десять, — с выдохом произнёс Кирилл себе под нос, в очередной раз перешагнув финишную отметку. — Десять кругов, четыре километра — не так уж и плохо, но нужно больше. Через неделю надо пробежать пять.

Постепенно перейдя на шаг, он легко перемахнул через ограду и подошёл к рюкзаку, лежащему на скамье нижнего ряда трибун. Глоток воды из бутылки приятной прохладой растёкся по горлу. Кирилл промокнул полотенцем лоб и шею, которую тут же обмотал шарфом в сине-серую клетку. Затем надел рюкзак и покинул стадион.

Бросив последний взгляд на колоссальную высотку, он достал из бокового отделения рюкзака старинные карманные часы на длинной цепочке. Одного взгляда на циферблат хватило, чтобы хорошее настроение испарилось: никаких срочных дел у Кирилла не было, но учёба требовала максимального усердия — именно ей он планировал посвятить весь день. Поэтому он вздохнул и нехотя направился в сторону общежития.

Вокруг ещё хватало сугробов, которые усиленно таяли под весенним солнцем. Кирилл старательно обходил лужи — старые стоптанные кроссовки грозили набрать воды при любом неверном шаге, а промочить одну из двух имеющихся у него пар обуви не хотелось.

Зато спортивный костюм выглядел почти как новый. Да он и был почти новым. Кирилл купил его ещё на первом курсе для занятий физкультурой, но тот ему не пригодился: поскольку физические упражнения он тогда презирал всей душой, то выбрал наиболее подходящую для себя секцию — шахматы. Особых успехов в древней игре он не добился — скорее просто два года отбывал номер — зато избежал необходимости бегать, прыгать и потеть.

Но всё изменилось в ноябре прошлого года.

Тогда на его долю выпали невероятные приключения, во время которых ему пришлось разгадывать загадки, оставленные Николаем Гоголем в письмах, сражаться с маньяком и убегать от человека, которого Кирилл считал бандитом. Бегать было настолько тяжело, что Кирилл твёрдо решил: как только всё закончится, он обязательно займётся бегом — если, конечно, сможет пережить эти злоключения. Пригодится ли это в будущем, неизвестно, но привести себя хоть в какую-то спортивную форму точно не помешает. Да, умение постоять за себя тоже лишним не будет, но на это у него пока не хватало времени — почти всё его свободное время занимала учёба.

Кирилл учился на третьем курсе филологического факультета МГУ, куда поступил по личным причинам: в потайном ящике его стола в комнате общежития хранился старинный документ, доставшийся ему от деда. Документ этот мог пролить свет на тайны прошлого его семьи и восстановить

честь далёкого предка — этого Кирилл хотел больше всего на свете. Но чтобы достичь этой цели, требовалось получить доступ в закрытое книгохранилище университета, для чего учиться он должен был не просто хорошо, а отлично. И именно на учёбу он тратил всё время и силы, подстраивая под неё свои пробежки.

Бегать Кириллу, неожиданно для него самого, понравилось. Более того, это оказалось совсем не сложно — знай себе держи рот на замке, чтобы холодный воздух не попадал в лёгкие, да контролируй дыхание. С этим у него, кстати, возникли проблемы — при первых пробежках воздуха ему катастрофически не хватало, и хотелось дышать как можно чаще. Но он быстро понял, что это желание губительно — учащённое дыхание сбивается моментально, и восстановить его, не снижая темпа бега, уже не получится. За дыханием ускоряется и пульс — сердце начинает отбивать такой ритм, что долго пробежать не удастся, как ни старайся. Приходится останавливаться и долго успокаиваться.

Несколько месяцев регулярных, хоть и не ежедневных, пробежек дали свои плоды: Кирилл, ещё четыре месяца назад чуть не упавший без сил после коротенькой погони на Арбате, теперь мог пробежать четыре километра, не сбив дыхание и почти не вспотев.

«Вот научусь спокойно пробегать... ну, скажем, десять километров и займусь единоборствами, — думал Кирилл по дороге к общежитию. За подобными размышлениями он со-

вершенно перестал обращать внимание на то, что творится вокруг, и теперь рассеянно шлёпал по лужам. — Боксом! Точно, займусь боксом! Интересно, берут в секцию таких худых? Я же, наверное, даже не смогу сильно ударить по груше — веса не хватит. Хотя, бывают же в боксе какие-нибудь лёгкие категории?»

Погружённый в мысли о будущих спортивных достижениях, Кирилл шагнул на первую ступеньку крыльца своего общежития, не заметив, что она покрыта тонким слоем оставшегося после ночного заморозка льда. Нога предательски заскользила, Кирилл нелепо замахал руками в попытке сохранить равновесие и, так и не сумев этого сделать, упал на спину. Благо, рюкзак смягчил падение.

Озеро чистого синего неба было обрамлено каймой голых веток дворовых деревьев, и в его синеве прямо над Кириллом пролетела пара голубей. И настолько пасторальной показалась ему эта картина, что он, лежащий в луже, мокрый и только что переживший немалый испуг, внезапно расхохотался.

Где-то в глубинах его сознания мелькнуло опасение, что кто-то может его увидеть и тогда ему придётся краснеть, оправдываться за неловкость и, сведя всё к шутке, посмеяться над самим собой. Но вокруг не было никого — большинство студентов не просыпаются в такую рань в единственный выходной день.

Кирилл от души просмеялся, успокоился, утёр тыльной

стороной ладони выступившие от смеха слёзы и поднялся. «Ну вот, теперь рюкзак стирать придётся. А ведь я его только купил! Все деньги, считай, потратил...» — с досадой подумал он и пошёл в общежитие, держась за перила лестницы и ступая медленно и аккуратно.

Распахнув дверь своей комнаты, Кирилл с удивлением обнаружил, что его сосед уже не спит.

— Доброе утро! — бодро поприветствовал его Кирилл и стал стягивать с себя мокрую одежду, бросая прямо на пол. — Что это ты, Олежа, не спишь в такую рань?

Олег Пынин был соседом Кирилла с самого его первого дня в общежитии. Несмотря на то, что вместе они проводили практически каждый вечер, своим другом Олега Кирилл не считал — слишком уж отталкивающим казался ему образ жизни соседа. Тот регулярно отпрашивался в безудержные загулы, иногда пропадая на несколько дней и пропуская учёбу, а когда наконец возвращался, то был в таком состоянии, что приходилось ещё пару дней отдыхать... и снова пропускать учёбу.

— Голова раскалывается, не могу больше спать, — сказал сосед и поморщился. — Пиво будешь? Хватай в холодильнике да давай кинчик какой посмотрим. — Он кивнул на покоящийся на животе ноутбук.

— Какое пиво? Ты время видел? Сейчас же только... — Кирилл достал из рюкзака часы и открыл крышку. — Что... что это? Неужели разбил?

На стекле появилась тоненькая трещина, минутная стрелка слетела с оси, а внутри металлического корпуса что-то тихо позвякивало.

— Что там у тебя? — спросил Олег, не отрываясь от экрана ноутбука.

— Часы разбил, — грустно протянул Кирилл. — Поскользнулся, упал и разбил.

— Вот! Это всё твои пробежки, — с дружеской издёвкой произнёс Олег. — Лежал бы себе спокойно, часы были бы в порядке. Надо оно тебе, бегать-то?

— Надо. Тебе бы тоже не помешало. — Кирилл указал выразительным взглядом на округлый живот соседа.

— Не, — отмахнулся тот, совершенно не обидевшись. — Не моё это.

— Движение — жизнь, слышал о таком? Аристотель сказал.

— Да плевать, Кир, что там сказал какой-то древний чувак миллион лет назад. Бабу тебе надо, чтобы времени на ерунду не оставалось. Что там у тебя с твоей историчкой?

— С Алисой? — удивился Кирилл. — А она при чём? Мы просто друзья, бегаем вместе дважды в неделю и изредка ходим в кафе.

— Запомни, мой юный падаван, дружбы между мужчиной и женщиной...

— ...не бывает. Ага, знаю. А мы, тем не менее, дружим. Да и вообще мы слишком разные — ну какая из нас пара? А

ещё мне кажется, у неё кто-то есть.

— Ну ещё бы. Не могло у такой красотки никого не появиться, пока ты клювом щёлкал. Ну а та, полицейская?

— Полицейский, — машинально поправил Кирилл. — Независимо от пола.

Это произошло автоматически — в большинстве случаев он просто не успевал остановить свой не в меру шустрый язык, торопящийся указать собеседнику на грамматическую, речевую или стилистическую ошибку. Иногда это приводило к конфузу, а то и к конфликту.

— Ой, не всё ли равно, господин филолог? — махнул рукой Олег. — Так что с ней?

— Веру повысили в звании после той истории и перевели в другой отдел на севере Москвы. Мы встречались пару раз, но что-то как-то у нас не сложилось.

— Опять прощёлкал! Ну ты даёшь, Кир! Такая девка была, а ты...

— А я разберусь без тебя, — грубо оборвал Кирилл. — Где твой ремонтный набор для телефонов? Дашь?

— Сам что ли починить хочешь? Ну-ну, — скептически протянул Олег. — Возьми в тумбочке.

Олег был известен всему обществу тем, что занимался ремонтом телефонов и ноутбуков. Высокого качества он не гарантировал, да и починить мог далеко не всё — промокший из-за дождя смартфон Кирилла ему, например, отремонтировать так и не удалось, поэтому теперь Кирилл ходил

с допотопным кнопчным телефоном — единственным, на который хватило денег. Зато за работу Олег брал недорого и обычно даже не деньгами, а едой и напитками, чем пользовались другие студенты, поэтому недостатка в клиентах у него не было, как и в еде и, особенно, в напитках.

Кирилл молча взял из тумбочки соседа маленькую коробочку и сел за стол. Одним движением сгрёб на край учебники и тетради и придавил лежавшим тут же кирпичом, который использовал как пресс-папье.

— Чего ты не избавишься от этого хлама? — не отрывая взгляда от экрана ноутбука, спросил Олег. — Это ж просто старый кирпич.

— Это не просто «старый кирпич», — возразил Кирилл. — Это старый кирпич, за которым Николай Гоголь спрятал рукописи второго и третьего томов «Мёртвых душ», которые я нашёл. Когда Григорьева, директора музея Гоголя, сняли с должности, новое руководство решило подарить кирпич мне в качестве благодарности за избавление от него — Григорьев им там, оказывается, совсем житья не давал. А кирпич пусть будет — это не «Мёртвые души», конечно, но хотя бы напоминание о них.

— Понятно, — равнодушно ответил Олег. — И, тем не менее, это просто старый кирпич. Лучше бы они тебя деньгами отблагодарили.

Кирилл проигнорировал его слова, понадеявшись наконец приступить к работе. Но его надеждам не суждено было

сбыться: едва он положил на стол часы, дверь открылась, и в комнату вошёл Артём Соколов, приятель Кирилла.

Артём был лучшим студентом исторического факультета, любимцем преподавателей, прекрасным спортсменом и душой любой компании. Его жизнь была наполнена свиданиями и вечеринками, а ещё научными открытиями и приключениями, и Кирилл никак не мог взять в толк, как Артёму удаётся всё это совмещать. Его успехи в лёгкой атлетике, плавании и скалолазании поражали. Девушки обожали его, а парни — завидовали. Многие, но не Кирилл — тот вообще старался жить своей жизнью и никому не завидовать. По крайней мере, именно в этом он часто пытался себя убедить.

— Здорово, молодёжь! — бодро поприветствовал Кирилла и Олега Артём. — Шёл мимо, услышал голоса — дай, думаю, зайду. Чего не спите в такую рань? Что делаете?

— Пытаюсь уговорить этого бездельника посмотреть кино, а он отказывается, — ответил Олег.

— И правильно делает! Кино надо с девчонкой смотреть, в темноте и наедине, а не так. Всему вас учить надо.

Несмотря на то, что Артём был меньше чем на два года старше Кирилла и Олега, он очень любил поучать их (да и других студентов младше себя) с позиции своего возраста. Эта манера вести себя как всезнающий учитель перед несмышлёными учениками иногда очень раздражала.

— Учить нас не надо, Тём, — отозвался Кирилл, не поворачивая головы. — Мы сами учёные. Ты чего хотел-то?

— Да вот, фонарь сломался, — с досадой произнёс Артём.
— Олега, сможешь починить? Мне он к вечеру нужен, кровь из носу!

Кирилл заинтересовался и обернулся. Олег взял фонарь, повертел в руках. Затем открутил крышку, заглянул внутрь, поморщился и удивлённо спросил:

— Ты его утопил что ли?

— Ну да, — как ни в чём не бывало ответил Артём. — Сможешь сделать?

— Попробую. Заходи вечером. Тариф знаешь.

Артём собрался было уходить, как вдруг откуда-то из-под вороха Кирилловой одежды, так и валяющейся на полу, раздалось противное пиликанье. Кирилл подскочил со стула, достал из кармана вымокших спортивных штанов старый кнопочный телефон, посмотрел на имя звонящего и отключил вызов.

— Это что? — спросил Артём.

— Мама звонила, — коротко ответил Кирилл. — Потом перезвоню.

— Да нет, я про телефон. Почему ты ходишь с этим старьём?

— Денег нет, — отрезал Кирилл. Он ненавидел, когда разговор касался его вечного безденежья.

— Он и мелодию поменять отказывается! — пожаловался Олег. — У меня и так постоянные мигрени, а от неё вообще голова раскалывается! Хорошо хоть звонят Кириллу

нечасто.

— Тут... не такой большой выбор мелодий. — Кирилл почувствовал, как заливается краской. Ему и самому осточертел старый телефон, в котором, кроме звонков, СМС и игры «змейка», и функций-то практически не было.

— Да не в мелодии дело, Кир, — сочувственно произнёс Артём. — Это же просто стыдно! Купил бы себе какой-нибудь дешёвый смартфон — не обязательно же флагман брать.

— У меня даже на дешёвый денег нет, — с раздражением сказал Кирилл.

— Давай займу?

— Одолжу, — вполголоса поправил приятеля Кирилл.

— Чего? — не расслышав, переспросил Артём.

— Ничего. Я говорю, денег нет, вернуть долг смогу не скоро, потому и не возьму. На работу у меня сейчас совсем нет времени.

— Заработать можно не только на работе, с твоими-то способностями, — подмигнул Артём и направился к двери. — Ладно, бывайте! Олег, я на тебя рассчитываю. Кир, задумайся о телефоне. С таким ходить и правда стыдно.

«Зараза, вот прицепился! Дался ему мой телефон. Ну хожу со старьём и хожу — что такого-то? Да, интернета нет, да, мелодия дурацкая — ну и что? Ещё и это "заработать можно не только на работе" — знаю я, как ты предпочитаешь зарабатывать».

Высокомерие и стремление поучать были не единствен-

ными раздражающими чертами Артёма. Самым плохим казалось его желание нажиться на обнаруженных археологических находках — Кирилл знал о таких случаях, но никогда даже не задумывался о том, чтобы выдать приятеля. Переубедить, возвав к совести и закону, он тоже, впрочем, не пробовал после единственной неудачной попытки. Артём в свою очередь нередко критиковал Кирилла за чистоплутьство, заявляя, что если бы не «так называемая совесть», тот давно бы уже «был в шоколаде».

Кирилл попытался унять злость и усталился на сломанные часы. В механизмах он совершенно не разбирался, да и с техникой в целом не дружил — похвастаться инженерным или математическим складом ума он никак не мог. Его основными интересами были книги, языки, в том числе и древние, и с недавних пор методы шифрования и дешифрования текстов.

Поэтому сейчас Кирилл не особо понимал, зачем взял у Олега ремонтный набор — в то, что ему удастся самостоятельно починить старинный прибор, не верил даже он сам. Но всё равно решил попытаться — очень уж ему было любопытно заглянуть внутрь часов. Да и чем чёрт не шутит, вдруг и правда получится отремонтировать? Лишь бы ходили, а с треснутым стеклом он разберётся как-нибудь потом.

Кирилл достал из футляра несколько крошечных отвёрток, пинцет, какие-то пластиковые лопатки, скребки и прочие непонятные инструменты и разложил всё это вокруг часов. Натянув на руки белоснежные перчатки из тончайшей

материи, без которых не брался за работу со старинными вещами — в основном, правда, книгами — он снова устался на часы.

Сзади слышался скрип кровати, а затем тяжёлые нетвёрдые шаги, и Кирилл услышал у себя над ухом голос:

— Что там у тебя за часы? — спросил Олег, склонившись над самым плечом соседа. — А-а, эти... Поверить не могу, что этот твой антиквар подарил тебе старинные серебряные часы! Они же наверняка дорогие! Почему не продашь? Купил бы себе нормальный телефон.

«А действительно, почему? — подумал Кирилл. — Тысяч двадцать за них наверняка можно выручить. Хватит и на простенький телефон, и на новые кроссовки. Вот только... разве можно торговать такими сокровищами? Артёма-то я за это осуждаю. Но, если подумать, это ведь не сокровище! Это дорогая, но не такая уж и редкая вещь. К тому же принадлежащая мне, а не украденная. Почему бы и не продать? Вот только для начала их нужно починить».

— Может и продам, — ответил он. — Наверное, они и правда дорого стоят. Хотя за то, что сделал Покровский, этого даже мало.

— А что он, собственно, сделал? — хмыкнул Олег. — Ну обдурил тебя, ну инсценировал собственное похищение, ну заставил бегать по всему городу и искать дурацкую рукопись. Но ты же её в итоге нашёл!

— И пока я её искал — *из-за того*, что я её искал — трёх

человек убили.

— А кого убили-то? Трёх стариков? Они всё равно уже...

— Замолчи! — рявкнул Кирилл.

Олег затих, но спустя несколько секунд заговорил снова:

— Эх, жаль, меня тогда с тобой не было! Но я в отъезде был, ты знаешь.

— Знаю я твои отъезды, — зло ухмыльнулся Кирилл. — Опять загулял где-то и пропустил начало очной учёбы после карантина.

— Да какая разница, из-за чего я что пропустил! Я был в отъезде, — чеканя слова, повторил Олег. — Не был бы, так мы бы с тобой враз рукопись нашли! У меня ко всяким головоломкам, знаешь ли, способности.

— Олег. — Кирилл медленно развернулся к соседу с нарочито дружелюбной улыбкой. — Мы это обязательно как-нибудь проверим. А сейчас не мешай мне, пожалуйста.

Снова повернувшись к столу, Кирилл размял пальцы и неуверенно взял одну из отвёрток, раздумывая, с какой бы стороны подступиться к вскрытию часов.

— А что сейчас-то с рукописью? — не унимался Олег. — Что ректор говорит? Ты же ему её отдал?

— Ну всё! — чуть ли не выкрикнул Кирилл, нервно, со стуком кладя отвёртку на стол. — Рукопись я отдал ректору, да. Где она сейчас, я не знаю. Должна быть на исследовании в научном отделе, но там со мной разговаривать никто не хочет. А нашего ректора застать в универе, а тем более

поговорить с ним, практически невозможно — ты это прекрасно знаешь. А сейчас, я очень тебя прошу, дай мне спокойно поработать!

Олег пожал плечами и снова завалился на кровать, взял в одну руку банку пива, а в другую — мышку от ноутбука.

Кирилл прекрасно понимал, что зря так вспылил. Но все события — нет, даже не сегодняшнего утра, а последних пятнадцати минут — вывели его из себя. Сломанные часы, упрёки Артёма, бесконечные расспросы Олега... Нужно было отстраниться от этого и попытаться успокоиться. Кирилл выдохнул и смог наконец заняться часами.

Он откинул переднюю крышку, за которой скрывался циферблат. Взгляд упал на стрелки: часовая замерла на промежутке между цифрами 7 и 8, минутная лежала где-то с краю, сорванная со своего места. Кирилл перевёл взгляд на откинутую крышку — выведенные чёрной эмалью цифры отражались в её отполированной поверхности практически без искажений. Правда, Кирилл заметил, что полировка не была идеальной — в нескольких местах у края блестящего диска виднелись скопления мелких царапин, как будто кто-то судорожно водил иглой по зеркальной поверхности серебра.

Кирилл перевернул часы. Подцепил ногтем внешнюю заднюю крышку, открыл её. На внутренней поверхности не было ничего интересного, кроме шестизначного номера — такие же номера были выгравированы на других крышках. Всерьёз он никогда не интересовался случайно доставшими-

ся ему часами, лишь изредка любовался диковинной вещью. Значение этих чисел он никогда не уточнял, но считал, что это серийный номер — всё же такие изделия наверняка были штучным или, по крайней мере, мелкосерийным товаром, поэтому каждый экземпляр должен был иметь свой номер.

Под внешней задней крышкой скрывалась ещё одна, защищавшая часовый механизм. На ней красовались герб Российской империи — двуглавый орёл — и надпись: «Павель Буре — Поставщикъ Двора Его Величества». Внутри Кирилл никогда не заглядывал — зачем лезть в механизм, который работает? А часы до этого дня работали отлично — знай себе заводи раз в сутки, да время от времени подкручивай стрелки. Поэтому обычно он лишь осматривал прибор снаружи и втайне гордился, что обладает изделием фирмы, которая производила часы для императоров и великих князей.

Но сейчас заглянуть под крышку часового механизма было необходимо. Поняв, что отвёртка тут не поможет, Кирилл взял пластиковую лопатку из набора Олега, облизнул пересохшие от волнения губы и, найдя едва заметный зазор между деталями корпуса часов, засунул в него лопатку и надавил.

Крышка со щелчком откинулась, и его взору открылось сердце часов — часовый механизм. Кирилл даже представить себе не мог, что там находится столько всего! Внутри

металлического кольца корпуса, испещрённого по кругу декоративными насечками, он увидел шестерёнки разных размеров и форм, какие-то рамки и корпусные детали, на которых всё держалось, скрученную в спираль тончайшую металлическую ленту, стрелочку со шкалой, крошечные винтики и какие-то прозрачные розоватые камешки.

Для чего предназначались все эти непонятные детали, Кирилл, естественно, не имел ни малейшего представления, но отметил, что механизм был в идеальном состоянии: металлические детали блестели, розовые самоцветы сверкали в лучах утреннего солнца, нигде не было ни пылинки — видимо, Всеволод Андреевич Покровский, букинист и бывший друг Кирилла, тщательно следил за состоянием своих часов, которые были при этом не музейным экспонатом, а предметом, которым он пользовался ежедневно. Часовой механизм Кирилл видел впервые, и это зрелище его поразило до глубины души.

— Ничего себе! — не смог он сдержать восторженного возгласа.

— Что там? — выпалил Олег, мгновенно вскакивая с кровати и снова нависая над Кириллом. — Ого! Как всё сияет! А это что, рубины что ли?

— Рубины? — с сомнением спросил Кирилл. — Что им делать в часовом механизме? Их же не видно. Ладно бы они снаружи были инкрустированы, для украшения. — Кирилл задумался. — Как думаешь, что дальше с этим делать? Я

только крышку снял, а тут... такое. Сможешь разобраться?

— Вряд ли, — покачал головой Олег. — Я как-то по электронике больше. Может, лучше мастеру отнесёшь? А то сломаем ещё.

— Какому мастеру? Часовщику что ли? Неужели они ещё есть?

— Да кто их знает! Давай поищем, — сказал Олег и, плюхнувшись на кровать, схватился за ноутбук.

Пока он искал в интернете часовые мастерские, Кирилл продолжил рассматривать открывшийся ему дивный внутренний мир карманных часов.

— А это что? — прошептал он. — Монограмма какая-то? И не просто монограмма, а самый настоящий вензель! Как всё переплетено, ничего не разобрать.

Кирилл прищурился. Обнаруженная им гравировка действительно напоминала вензель: какое-то невероятное сплетение линий — то ли стеблей выющихся растений, то ли змей, то ли морских волн. Кто нанёс её в столь странном месте? Кирилл легко мог представить надпись на видном месте: хоть вензель, хоть семейный девиз, хоть памятную дату. Но на внутренней стороне задней крышки часов — там, где её не мог увидеть никто, кроме владельца и часовщика? Нет, для этого он не находил никаких объяснений.

К слову, что-то вроде памятной даты тоже присутствовало: под вензелем Кирилл прочитал аккуратно выгравированную надпись «МСМХVІІ». Но на неё он едва ли взглянул —

всё его внимание снова обратилось к монограмме.

Если отбросить все декоративные завитки, симметричный символ состоял всего из нескольких линий. Верхняя часть выдавалась острым углом. Два его луча расходились вниз и в стороны, соединяясь в середине короткой перемычкой. От её центра вниз отходила длинная прямая линия, которая оканчивалась несколькими торчащими в стороны шипами. Вокруг точки соединения горизонтальной и вертикальной линий был описан овал.

— Что же здесь написано? — пробормотал Кирилл, словно в трансе. — Как будто... похоже на наложенные друг на друга буквы «А» и «Ф». Кому же принадлежали часы? Кто был их владельцем до Покровского?

В символе просматривалось что-то странное, но вот что именно, Кирилл никак не мог понять. Работа была такой тонкой и ажурной, что он не мог сосредоточить на ней ни взгляд, ни мысли — гравированные линии и завитки, составляющие монограмму, словно расплывались перед глазами, играя отблесками утреннего солнца.

Кирилл заворожённо протянул пальцы к монограмме, настолько манила его эта диковинная деталь.

— Ну вот, нашёл! — Голос Олега прозвучал так резко, что Кирилл отдернул руку от часов. — Оказывается, в Москве полно часовых мастерских — ты даже не представляешь, насколько! И я говорю не о ларьках в подземных переходах, где делают дубликаты ключей, подгоняют ремни и чинят ботин-

ки, а о тех, которые занимаются ремонтом старинных часов.

— Где находится ближайшая?

— Кир, ближайшая тебе, поверь, не нужна — у неё рейтинг, мягко говоря, не очень. А вот ближайшая хорошая находится на Чистых прудах. Но я могу и ещё какую-нибудь поискать.

— Не надо. Чистые пруды — интересный район, можно и туда съездить, заодно погуляю — на конспектах сегодня вряд ли получится сосредоточиться. Хорошая, говоришь, мастерская?

— Очень хорошая. Отзывы — закачаешься! Послушай: «Принёс в ремонт часы, принадлежавшие московскому генерал-губернатору...», «Быстро и качественно починили золотые часы, подаренные императором Александром III моему предку, графу такому-то...», «...часы вдовы промышленника и мецената...», «...золотые часы обер-полиц... обер...»

— Обер-полицмейстера, — закончил за него Кирилл. — Я понял: очень крутая мастерская. И что, они занимаются скупкой часов?

— Вот это уже похоже на деловой разговор! — воодушевился Олег. — Дай гляну... Да, судя по всему, занимаются.

— Отлично. Значит, отвезу часы туда — либо починят, либо так купят. Сам всё-таки не рискну в них ковыряться — точно что-нибудь сломаю. Адрес скинь, я прямо сейчас поеду.

— Поедешь? — усмехнулся Олег. — Ну уж нет, дружище

— поедем! Я с тобой. Посмотрю, как этот часовщик работает — может, там ничего сложного и нет. Вдруг быстро разберусь — тогда смогу не только телефоны чинить, но и часы. Стану часовщиком, прикинь?

— Станешь-станешь, — торопливо ответил Кирилл. — Короче, я в душ, потом пару бутербродов закину — и готов. А ты пока собирайся, — он усмехнулся, — часовщик.

Глава 2

Москва, 1922 год

— Вам известна эта фамилия, товарищ Володин? — Начальник взглянул на Глеба сквозь лёгкий прищур и подвинул к нему картонную папку. Та с лёгким шорохом проскользила по зелёной суконной поверхности стола и оказалась перед молодым чекистом.

Володин переместил её под яркий жёлтый свет настольной лампы, откинул обложку, бросил короткий взгляд на первую страницу досье и не задумываясь кивнул.

— Царский ювелир.

— Тогда, думаю, вам не стоит рассказывать, каким состоянием владела его семья. И теперь это состояние должно наконец-то послужить народу. Найти сокровища имперских прихвостней, в том числе и этого, — удивительно толстый для его комплекции палец вытянулся в направлении папки, — единственный способ победить страшный голод, охвативший Поволжье. И эта задача ложится на ваши плечи.

Володин на секунду задумался, глядя в стол.

— Почему я? У меня нет никакого опыта в таких делах.

Ответ последовал незамедлительно.

— Потому что вы молоды, энергичны, умны, не испорчены властью и, по имеющейся у меня информации, всецело преданы делу Революции. К тому же, у вас... — начальник

сделал небольшую паузу, — интеллигентное лицо. Это может сослужить хорошую службу при общении с некоторыми людьми. Они будут вам доверять — используйте эту свою особенность.

«Особенность? — усмехнулся про себя Володин. — Как будто интеллигентное лицо — это что-то плохое. Вы ведь и сами из благородных, товарищ нарком внутренних дел». Он непроизвольно взглянул на лицо своего собеседника. Его тонкие черты выдавали благородное происхождение — это вам не мясистые, словно вылепленные из глины, физиономии матросов и солдат. Добавить бы пенсне на длинный прямой нос — и вот вам готовый профессор. Густые усы и борода клинышком дополняли образ. Но самое главное — глаза. Они излучали хладнокровие. Это не был горящий огнём взгляд других вождей Революции — нет, это походило на серо-зелёную глубь озера, величественную в своей безмятежности, мрачности и какой-то извечной печали. Их пристальный взгляд прожигал насквозь, забирался, казалось, в самую душу и видел всю подноготную — всё то, что люди обычно старались скрыть от их обладателя.

Но Володин в душу не верил, да и был сейчас не на допросе, а на инструктаже. Поэтому он спокойно произнёс:

— Насколько мне известно, он бежал из России.

— Я вам больше скажу: он уже два года как мёртв. Его сыновья, кроме одного, тоже уехали. Но никто из них не смог бы увезти с собой всё, что они нажили за годы работы на ари-

стократию и буржуазию. Товарищ Володин, вы можете себе представить, о каких сокровищах идёт речь?

Володин не мог, поэтому промолчал.

— Это огромные суммы и огромные объёмы: готовые изделия, заготовки, драгоценные камни и металлы в слитках. И всё это по-прежнему где-то здесь. Часть ценностей мы, конечно, нашли и изъяли, но далеко не всё, я уверен. Учитывая связи и влияние этой семьи, в стране должно было остаться множество тайников, не говоря уже о доверенных лицах, которые по сей день хранят сокровища. Эти средства очень нужны нашей молодой Республике. Ваша задача — найти их. Докладывать будете лично мне.

Володин задумался и сказал:

— С чего мне начать?

— Со знакомства с единственным оставшимся в России сыном ювелира.

— Где мне его найти? Наверняка в тюрьме?

Губы начальника тронула едва заметная улыбка.

— Нет, уже нет. Теперь он работает на нас. Здесь, в Москве.

— На нас? — удивился Володин.

— Он вошёл в комиссию по оценке царских ценностей при Гохране.

Володин нахмурился.

— Можно ли доверить подобному человеку такую работу? Он же...

— Это было личное настояние товарища Троцкого.

Володин наморщил лоб, его глаза забегали по сторонам — он над чем-то усиленно размышлял, пока наконец не спросил:

— Могу ли я войти в эту комиссию? Это был бы самый лёгкий способ...

— Вы? — Начальник усмехнулся и откинулся в кресле.

— А вы разве разбираетесь в ювелирных изделиях и драгоценных камнях?

— Совсем нет. — Глеб растерянно мотнул головой. — Я даже бриллиантов никогда не видел.

— Вот именно. Не говоря уже о том, что в среде ювелиров все эксперты такого уровня друг друга знают, а вас не знает никто. Придумайте что-нибудь получше.

Володин снова задумался.

— Какие у меня полномочия?

Собеседник помедлил, обдумывая ответ.

— Я бы сказал, самые широкие, но к крайним мерам всё же желательно не прибегать — этот человек ещё может нам пригодиться. Так что действуйте мягко: проявите смекалку, притворитесь контрреволюционером, подпольщиком, если хотите. Войдите в доверие — люди охотнее делятся с собратом по несчастью, чем с палачом.

— Что будет с найденными ценностями? Их продадут за границу?

— Это не ваше дело, товарищ Володин. Ваша задача —

найти, изъять и сдать в Гохран.

— Надёжно ли это? После прошлогодней истории...

— Это не ваше дело, — жёстко повторил нарком. — Ступайте, товарищ Володин. Подойдите к задаче со всей ответственностью — я рассчитываю, что вы меня не разочаруете. — От интонации, с которой были сказаны эти слова, у Глеба по затылку пробежали мурашки. — Изучите досье, составьте план действий, выйдите на нужных людей. Быстро вы вашу задачу не выполните, поэтому не нужно терять времени. И помните: вам будут противостоять хитрейшие из хитрейших, настоящие лисы, сумевшие спрятать свои сокровища настолько надёжно, что на протяжении пяти лет мы не смогли найти их все, как ни старались. Поэтому, — начальник встал, явив Володину свою нездоровую худобу, — вы должны быть хитрее.

Глава 3

Москва, 2022 год

На Чистые пруды Кирилл и Олег приехали, когда там было уже довольно людно. Синоптики не обманули: день выдался по-весеннему тёплым, что в этом году случилось впервые. Солнце приятно пригревало, но многие всё ещё носили зимние куртки. На бульваре хватало семей с детьми, влюблённых парочек, собачников со своими питомцами и пенсионеров, степенно прохаживающихся под руку. Откуда-то донёсся шум ругани — сердобольные прохожие пытались отговорить компанию отчаянных мальчишек спускаться на истончившийся лёд пруда, который готовился вот-вот вскрыться.

— И чего им всем дома не сидится, — проворчал Олег, глядя на многочисленных обитателей утреннего Чистопрудного бульвара. — Воскресенье же! Утро! Можно спать и спать!

— Ну ты и сам сегодня встал ни свет ни заря.

— Ну у меня-то причина веская! — ответил сосед. — Мигрень!

— Знаю я твою мигрень, — поморщился Кирилл. — Не надоело ещё?

— Ну а когда, если не сейчас? Сейчас самое время веселиться! Потом что? Скучная взрослая жизнь. А пока я молод

и свободен!

— Смотри, — усмехнулся Кирилл, — такими темпами скучная взрослая жизнь может и не наступить.

— Не слишком ли мрачная перспектива?

— Я про то, что за тебя ни одна женщина не пойдёт.

— А кто сказал, что мне это надо? Нет, дружище, семейная жизнь не для меня. Я скорее монашескую рясу нацеплю, чем кольцо на палец.

— Ох, не зарекайся...

— В любом случае я что-то пока не замечал недостатка в женском внимании. Не думаю, что это должно измениться.

Сказанное было правдой. Кирилл никак не мог взять в толк, почему Олег, этот нескладный увалень с уже наметившимся пивным животом, облепленным веснушками лицом и рыжими лохмами, постоянно встречается с девушками, причём каждый раз с разными. Ну что они в нём находят? Не бесконечными же цитатами из фильмов он их привлекает? Или его глупые шутки кажутся им смешными? Неужели и правда, самое главное в мужчине — это чувство юмора?

Справедливости ради, самого себя Кирилл красавцем тоже не считал. Он был высоким, но худым; широкоплечим, но без достаточного количества мышц; вроде как симпатичным, но вечно растрёпанным и помятым. И если победить худобу и отсутствие мышц он ещё надеялся с помощью своего нового увлечения спортом, то вот что делать с непослушными волосами и тёмными кругами под глазами, было решительно

непонятно.

Глядя на Олега, Кирилл понимал, что, скорее всего, не собственная внешность виновата в отсутствии у него девушки, а природная застенчивость. Конечно, после того, как он нашёл утерянную рукопись второго тома «Мёртвых душ» и ненадолго стал университетской знаменитостью, он немного раскрепостился. Но лишь немного: одним разговором тет-а-тет с ректором, одной массовой овацией в холле учебного корпуса и одним интервью студенческой газете, которую вдобавок никто не читает, невозможно изменить характер, формировавшийся двадцать лет.

Впрочем, Кирилл смотрел на Олега не с завистью, а именно с непониманием его успеха у женщин — самого его отсутствие подружки не слишком беспокоило. До романтики ли ему сейчас? Нужно сосредоточиться на учёбе, заниматься своим образованием, изучать как можно больше материалов, которые когда-нибудь помогут ему раскрыть семейную тайну. А может, и не только семейную: история с рукописью Гоголя показала, что вокруг полно неразгаданных загадок прошлого. Кто знает, когда он снова наткнётся на что-нибудь, что приведёт его к очередной головоломке, к очередному зашифрованному посланию, к очередному тайнику? Готовым нужно быть всегда, а как это возможно, когда у тебя есть девушка, которую надо постоянно водить по кафе и кинотеатрам, а потом, когда появятся деньги, возить по морям да курортам? Нет, не до амуров ему сейчас — на первом месте

должна стоять учёба. Пусть до поры до времени так и остаётся.

— Так, кажется, пришли, — прервал его раздумья Олег, указывая на деревянную дверь, ведущую в полуподвальное помещение. — «Часовой салон и мастерская "Третий лик Януса"». Ну и название! Интересно, что оно означает.

Кирилл посмотрел на дверь. На табличке, помимо названия салона, красовалось изображение мужской головы с тремя лицами: одно смотрело влево, другое — вправо, третье — прямо на зрителя. Пристальный взгляд прищуренных глаз прожигал насквозь. Искривлённый, словно у античной театральной маски, рот был широко открыт.

— Янус — двуликий бог в римской мифологии, — прокомментировал Кирилл. — Ничего про него не знаю, а про его третий лик — тем более. Но мы обязательно всё выясним.

Он распахнул дверь, спустился на несколько ступеней, открыл ещё одну дверь и оказался в царстве времени.

Раздающееся со всех сторон многоголосое тиканье Кирилл слышал ещё на лестнице, а сейчас взору открылся его источник: сотни часов самых разных видов, размеров и форм заполняли всё пространство тесного помещения. Они висели на стенах, стояли на полках, лежали в витринах и на стеллажах. Здесь можно было увидеть огромные напольные часы, богато украшенные каминные, множество настенных в виде домиков с крохотными дверцами, из которых, надо по-

лагать, периодически вылезают кукушки, возвещая наступление нового часа. Под стёклами витрин Кирилл разглядел десятки, если не сотни, старинных карманных часов. А вот чего он здесь не увидел, так это наручных часов и других современных их видов.

Внезапно где-то пробил очередной час.

— Доброе утро, молодые люди! — поприветствовал их появившийся непонятно откуда сухой сгорбленный старичок. Его одежда была настолько старомодной и непримечательной, что тёмно-коричневая вязаная жилетка с прорезами казалась самым ярким её элементом. Старик оценивающе пробежался по Кириллу взглядом внимательных глаз, которые казались огромными из-за громоздких очков с толстыми стёклами. Ещё одни очки — не обычные, а с какими-то дополнительными стёклами и окулярами — виднелись на голове, среди всклокоченных седых волос. — Меня зовут Иван Наумович Варфоломеев, я мастер-часовщик и... хозяин этого салона. Чем могу помочь?

Снова где-то пробили часы, и тут же кукушка отсчитала текущее время, к удивлению Кирилла, неправильное. Это вывело его из транса, в который он, казалось, погрузился, слушая убаюкивающее тиканье и разглядывая окружающие его часы. Он уставился на часовщика непонимающим взглядом и спросил, будто не услышав вопроса, который тот задал:

— А почему все часы показывают разное время?

— А вы представьте, — с улыбкой ответил мастер, — что

будет, если все часы одновременно начнут бить. Мы с вами просто оглохнем! У меня ведь здесь сотни часов!

Он округлил глаза, и они, увеличенные мощными линзами, сделали его вид ещё комичнее. Кирилл невольно улыбнулся.

— У меня часы сломались, — неуверенно произнёс он. — Старинные. Хотел узнать, сколько будет стоить ремонт. Треснутое стекло менять не обязательно, лишь бы ходили. Вот, смотрите.

С этими словами он достал из рюкзака свои часы и протянул их часовщику.

— Ого! — воскликнул тот. — Павел Буре! Знаменитый часовой мастер!

— Павел Буре? — недоверчиво спросил Олег откуда-то сзади. — Знаменитый хоккеист, вы хотели сказать?

— Нет, конечно! — ответил часовщик, не отрывая взгляда от часов. — Его предок.

— Предок? — недоумённо спросил Кирилл.

— Именно так. Основатель часового дома Павел Буре был далёким предком хоккеиста Павла Буре. — Кирилл удивился, на виду не подал. — Так, что тут у нас... Конец девятнадцатого века, серебряный корпус, пятнадцать камней. Такие вещи беречь надо, молодой человек, а вы их — в рюкзак. Не стоит так с хорошими часами. А то, что эти часы хорошие и даже отличные, я вам гарантирую! Где вы их раздобыли?

— Они достались мне от... близкого человека, — нехотя

ответил Кирилл. — Так вы сможете определить причину поломки и всё исправить?

— Не торопитесь, молодой человек! — хрипло усмехнувшись, сказал часовщик. — Мы же говорим о часах — здесь спешка ни к чему. А исправить можно всё что угодно — это всего лишь вопрос времени. Как вас зовут?

— Кирилл.

— Олег, — послышался голос из-за спины Кирилла.

Старый часовщик как будто только сейчас заметил, что Кирилл не один. Он бросил мимолётный взгляд на его спутника и, не найдя в том ничего примечательного, снова повернулся к владельцу драгоценных часов.

— Пойдёмте за мной, Кирилл.

Он просеменил к не приметной занавеске в дальнем конце помещения, мышью шмыгнул за неё и оттуда снова позвал студентов. Кирилл первым последовал за ним. Тут он во второй раз испытал восхищение и трепет, только теперь не от блеска металлических корпусов карманных часов и лакированных корпусов настенных, а от обилия находившихся здесь запчастей.

Это была мастерская. Вдоль стен небольшого помещения стояли стеллажи с бесчисленными ящичками, в которых находились шестерёнки, гири, стрелки, циферблаты, пружины, стёкла и цепочки. Здесь были десятки разобранных до винтиков механизмов и пустых деревянных корпусов, напоминающих гробы.

В центре стоял просторный верстак с инструментами. Кирилл увидел на нём старинный микроскоп, несколько стоек с увеличительными стёклами, колбы и банки с непонятными жидкостями, какие-то ванночки и контейнеры и просто невероятное количество всевозможных инструментов, аккуратно разложенных по своим местам. Инструменты Олега, которыми Кирилл пытался воспользоваться с утра, по сравнению с этим арсеналом казались каким-то детским игрушечным набором. Ещё один рабочий стол, только с гораздо более скудным оснащением, стоял в дальнем углу.

В мастерской пахло стариной, и этот запах, который в другом месте мог бы показаться неприятным, был как нельзя более уместен — Кирилл бы скорее удивился, если бы здесь пахло как-нибудь по-другому. Подобная атмосфера царила в так обожаемых им библиотеках и букинистических лавках, только в запахе старины в мастерской Ивана Наумовича чувствовались ароматы не бумаги и кожи, а дерева и металла.

Где-то в первом зале пробили очередные часы и прокуковала очередная кукушка. Иван Наумович опустил на стул, положил часы на середину стола и установил прямо над ними лупу на длинной стойке.

— Ну-с, посмотрим, — сказал он и наклонился над увеличительным стеклом. Кирилл еле сдержал смехок, представив, насколько смешно выглядел бы старик, если бы удалось взглянуть на его лицо с другой стороны лупы.

Часовщик аккуратно открыл верхнюю крышку длинным

ногтем большого пальца и стал вертеть часы под увеличительным стеклом, при этом непрерывно что-то бормоча:

— Так, восемьдесят четвёртая проба — это понятно. Клеймо мастерской. Клеймо мастера. Всё чистенько, ровненько — замечательно. Серийный номер присутствует — отлично. Вероника! — внезапно крикнул он, не поднимая головы.

Кирилл посмотрел по сторонам и только сейчас заметил дверь, прячущуюся между стеллажами. Через секунду дверь открылась, и у Кирилла в третий раз за десять минут перехватило дыхание.

В помещение вошла девушка. Очевидно, она была красива, но отчего-то прятала эту красоту под чудаковатой одеждой и эксцентричным образом. Полное отсутствие косметики, тёмно-русые волосы, убранные в два объёмных пучка, мешковатый до нелепости свитер — казалось, всё было направлено на то, чтобы не привлекать внимания, но выходило как раз наоборот — именно это и привлекало. Под огромным воротником висела длинная нить деревянных бус, такие же массивные полированные бусины были и в серьгах. Эти украшения, элегантные в своей простоте, отвлекали взгляд от глаз неестественного медового цвета, скромно устремлённых в пол, пухленьких губ и щёк с едва проступающим румянцем. Толстый свитер скрывал фигуру, но видневшиеся из-под закатанных рукавов тонкие руки намекали, что фигура эта может быть весьма изящной. Это подтверждали и

стройные ноги. Короткая юбка и высокие ботинки как будто спорили с другими деталями, но всё вместе смотрелось настолько гармонично и создавало такой невероятный образ, что Кирилл не мог отвести взгляд.

Возможно, он бы так и продолжил пялиться на неё, если бы его не прервал голос часовщика:

— Вероника, принеси-ка мне каталог «Павла Буре», будь добра.

— Да, дедушка, — тихо ответила она и юркнула обратно за дверь.

«Дедушка? — возмутился внутренний голос Кирилла. — Этот сухарь — её дед? Ну и дела!»

Кирилл не знал, успел ли часовщик заметить, с каким любопытством он разглядывал его внуку, но догадывался, что успел, поэтому решил нарушить образовавшуюся неловкую тишину.

— Иван Наумович, а что там за камни? Вы сказали, что в часах пятнадцать камней.

— Рубины, — сказал Иван Наумович. Кириллу его тон показался настолько обыденным, будто речь шла о какой-нибудь щебёнке.

— Рубины? — скептически спросил Кирилл. — Настоящие?

— Ну конечно! — воскликнул часовщик. — Это в современных часах используются искусственные камни, а в старинных — только настоящие, природные.

— И зачем же? Если они внутри механизма, под крышкой, ими не похвастаешься, как камнями в кольцах или серёжках.

— Понимаете ли, Кирилл, рубины используются в часах не для красоты, это вы правильно заметили. Здесь важны их физические свойства — камни нужны для уменьшения трения и снижения износа металлических частей механизма.

— А сами камни не изнашиваются?

— Ну что вы! — ахнул Иван Наумович. — Это же рубин! Он и его синий собрат сапфир относятся к корундам — их твёрдость лишь немного уступает твёрдости алмаза! Впрочем, я не ювелир и мало что могу вам рассказать о драгоценных камнях. Моя профессия — часы. Но, молодой человек, — сказал часовщик, принявшись шарить по ящикам стола, — если вы хотите узнать больше о часовых камнях или о драгоценностях вообще, можете обратиться к этому человеку.

Он извлёк из глубин стола заляпанную маслом визитку и протянул Кириллу.

— Вот, пожалуйста, Адам Давидович Гольдшмид — коллекционер и выдающийся знаток драгоценностей и истории ювелирного искусства. Его салон находится здесь неподалёку, через два дома. Я иногда покупаю у него камни для самых дорогих часов.

«Ювелир Гольдшмид, то есть "золотых дел мастер", — усмехнулся про себя Кирилл. — Просто невероятное совпадение фамилии и рода занятий! Наверное, его предки испо-

кон веков занимались этим делом».

В комнату вернулась Вероника с тонкой брошюрой в руке.

— Вот, дедушка, — тихо произнесла она, кладя каталог на стол, но тут же оживилась. — Ого! Серебряные часы Буре! Очень хороший прибор. Это ваши? — обратилась она к Кириллу.

— Мои, — глупо улыбнулся тот. — Я Кирилл.

— Вероника, — ответила девушка, мгновенно приняв прежний скромный вид и опустив глаза.

— А я Олег, — сказал сосед Кирилла, протискиваясь между ним и Вероникой. — Это я, кстати, посоветовал принести часы именно в вашу мастерскую.

— Так, Кирилл, — произнёс Иван Наумович, водя пальцем по порывевшей странице брошюры. — Ваши часы выпущены в 1907 году, судя по серийному номеру и согласно каталога.

Кирилл поморщился, услышав столь распространённую ошибку, и даже открыл рот, чтобы поправить Ивана Наумовича, но в последний момент прикусил язык — вдруг часовщик обидится на то, что его поправляет какой-то юнец? Портить с ним отношения Кириллу совершенно не хотелось. Поэтому он просто спросил:

— И... что это нам даёт?

— Ну, лично мне — ничего, — пожав плечами, ответил мастер, — я эти часы почию в любом случае. А вам — смотрите сами. Вдруг вам будет интересно узнать, кому они

принадлежали изначально? Вероника вон страсть как любит изучать старинные часы и исследовать их историю. — Кирилл взглянул на девушку: та смущённо потупила взгляд. — Или вы, Кирилл, знаете, чьи это часы?

— Не знаю. Да и мне это, честно говоря... — начал было Кирилл, но тут же запнулся. — А что, это могут быть часы какого-нибудь известного человека?

— Вполне! — закивал часовщик. — Я же вам сказал: это очень хорошие часы.

«Часы известного человека можно будет продать дорого!» — пронеслась в голове Кирилла меркантильная мысль.

— И как же мне это выяснить?

— Я не знаю. Я, признаться, люблю все часы, независимо от известности их владельцев, поэтому редко обращаю на это внимание. Так что это вам лучше Вероника расскажет — она в этом деле настоящий дока.

Щёки Вероники после этих слов вспыхнули румянцем.

— Ну а... — замялся Кирилл, — если говорить о ремонте, сколько он может стоить? У меня, если честно, не очень много денег.

— Давайте посмотрим! — бодро сказал Иван Наумович, схватил со стола какой-то инструмент, одним движением отщёлкнул крышку и принялся крутить часы в руках, внимательно осматривая под разными углами. — Ого, какой вензель! Какая изящная работа!

— Да, очень красиво. Но я так и не смог толком прочи-

тать, что же тут выгравировано, — посетовал Кирилл.

— Это не гравировка.

— Что? — Кирилл был явно озадачен.

— Гравировка — это резьба по материалу, в нашем случае, по металлу. Рисунок получается углублённым, — пояснил часовщик. — А у нас здесь рисунок выпуклый. Это барельеф.

Кирилл на мгновение приоткрыл рот от удивления. Ну конечно! Вот почему он никак не мог сосредоточить взгляд на вензеле! Он-то воспринимал его впалым, вырезанным в металле, а тот на самом деле *выпирал* из поверхности серебра! Все эти завитки и резные грани тончайшей работы создавали своего рода оптический обман — иллюзию восприятия глубины.

— Но ведь это намного сложнее! Или я не прав? — спросил Кирилл. — Гравировка просто вырезается резцом или бормашинкой, а как сделать такое? Не отливали же эту крышку, в конце концов!

— Не отливали, молодой человек, не отливали, — посмеиваясь, согласился Варфоломеев. — И вы абсолютно правы — гравировку сделать гораздо проще. Но подобные выпуклые вензели — не редкость. Они, как правило, накладные — вензель изготавливали отдельно и крепили к крышке. Правда, обычно с внешней стороны. Но давайте вернёмся к вашей проблеме. Так, что тут у нас... — Иван Наумович принялся внимательно рассматривать часовой механизм, уткнувшись

в него чуть ли не носом. — А-а, как я и думал: у вас спираль баланса соскочила. Это дело мы быстро...

Он осёкся. Затем, странно наклонив голову вбок, что-то еле слышно забормотал. Кирилл заметил, как затряслись руки старого часовщика. Тщетно облизнув мгновенно пересохшие губы, Иван Наумович тихо пролепетал:

— Хотя, вы знаете, наверное, быстро не получится. Тут не всё так просто, придётся повозиться...

— Но вы же сказали, что проблема решается быстро?

— Я ошибся. Вам придётся оставить часы здесь — ремонт может занять много времени.

— Ну уж нет! — неожиданно резко сказал Кирилл и схватил часы прямо из-под носа часовщика. — Эти часы мне слишком дороги — как я сказал, они достались мне от близкого человека. Олег, пойдём, найдём другого мастера.

— По-постойте, Кирилл! — вскрикнул Иван Наумович дрожащим голосом. Он резко вскочил со стула, но тут же согнулся и опёрся одной рукой о стол, а другой на мгновение коснулся груди. Вероника бросилась к старику, но он жестом остановил её и снова устремил безумные глаза на Кирилла. — Продайте мне эти часы! Я заплачу вам столько, что вы сможете купить точно такие же и не одни!

«Вот как! — Кирилл на секунду замер. — Сделка обещает быть выгодной. Я ведь здесь именно за тем, чтобы продать часы, не так ли? Даже предлагать самому не пришлось. И всё же...»

— Часы не продаются, — процедил Кирилл. — Всего доброго.

Но никакой доброты в его голосе не чувствовалось. Кирилл посмотрел на Олега и наткнулся на озадаченное выражение лица. Затем взглянул на Ивана Наумовича — на том лица не было вообще, он был бледен и дрожал. Вероника растерянно стояла рядом с дедом, готовая в случае чего подхватить его под локоть.

Кирилл молча направился к выходу. Олег последовал за ним.

Едва студенты вышли из мастерской, Иван Наумович без сил опустился на стул. Вероника взволнованно спросила:

— Дедушка, ты в порядке?

— Да-да, я в порядке... в порядке... — еле слышно просипел он, глядя куда-то сквозь Веронику. — Скоро всё будет в порядке... — Внезапно он вскочил и пристально посмотрел ей в глаза. Узловатые пальцы вцепились в локти внучки. — А теперь слушай меня очень внимательно!

Глава 4

Москва, 1922 год

Несколько дней Володин потратил на то, чтобы придумать, как лучше подобраться к сыну ювелира и войти к нему в доверие. Выдать себя за его коллегу, как и сказал начальник, не было никаких шансов — Глеб не обладал ни знаниями, ни известностью в нужных кругах, ни даже возрастом, достаточным для того, чтобы сойти за сколь-нибудь знающего специалиста. Единственным человеком, который в столь раннем возрасте добился подобного авторитета среди коллег, был сам сын ювелира — повторить его профессиональный путь хотя бы на словах у Глеба не было ни малейшей надежды.

«Но ведь можно выдать себя за *несостоявшегося* ювелира! — рассудил молодой чекист, сидя за столом в своей крохотной комнатке и ожидая, пока чай заварится покрепче. — Как будто я учился в художественном училище, рисовал эскизы ювелирных изделий, мечтал о том, чтобы стать выдающимся ювелиром, а тут революция!»

Володин взял кружку с тёмной дымящейся жидкостью и принялся мерить шагами узкую комнату, медленно проговаривая легенду:

— Революция загубила все мои мечты, не дала получить желаемую профессию. Из-за этого я революцию не люб-

лю, но вынужденно принимаю. — Он на секунду задумался, остановился. — Теперь я работаю на заводе, скажем, токарем и не оставляю мечты когда-нибудь всё же стать тем, кем хочу. — Он отхлебнул горячий чай, поморщился. — Когда-нибудь потом, после окончания войны и победы мировой революции. — Он сделал ещё один глоток и, довольный, воскликнул с ликованием: — А неплохо придумано!

На лице на мгновение промелькнула искренняя радость, почти детская, но Володин тут же вернул привычное хмурое выражение и мрачно пробормотал:

— Нужно быть серьёзнее.

План действительно выглядел неплохо, но упирался в одно простое препятствие: Глеб совершенно не умел рисовать и ничего не знал ни о живописи, ни об изящных искусствах.

Он вырос в деревне, вдали от всего возвышенного и тонкого. Никаких драгоценностей в семье Володиных отродясь не водилось. Отец, хоть и был не последним человеком, всё же считал их излишеством, на которое не стоит тратить достающиеся таким трудом деньги. Ни одного украшения, кроме обручального кольца и пары простых серёг, он своей любимой жене ни разу не подарил. Зато смог обеспечить единственному сыну какое-никакое образование. Какое-никакое, но не художественное.

Нет, этого явно недостаточно. Идея выдать себя за будущего художника или ювелира могла сгодиться только как запасной план. Нужно было придумать что-то получше.

Он снова сел за стол, поставил чашку подальше и придвинул к себе досье. Снова, уже в который раз, принялся изучать его, вчитываясь в каждое слово. Он искал то, что поможет ему заслужить доверие человека, который, похоже, первый, если не единственный, мог помочь выполнить поставленную задачу.

Досье подробно описывало всю жизнь молодого ювелира. Родился в 1876 году в Петербурге, отучился там же в немецкой Петришуле и в гимназии Видемана. Вступил в дело отца, занимался делами фирмы. Был экспертом Бриллиантовой комнаты Зимнего дворца, оценщиком Его Императорского Величества, Ссудной кассы и других инстанций. Женат, имеет пятерых детей, но семья покинула Россию после революции, сам же он уехать не смог. В 1919 году арестован ЧК, в 1920 году освобождён. Последняя запись была совсем короткой: «Принят на работу в Гохран оценщиком». Никаких подробностей не приводилось — к службе он приступил совсем недавно. Оканчивалось досье информацией о характере, привычках и увлечениях.

— Нет, это всё бесполезно... — медленно проговорил Володин.

Он вздохнул и признал, что придётся прибегнуть к первому плану, как бы он ни был плох. Но и для этого необходимо найти что-то, что сможет подтвердить стремление Глеба стать художником или ювелиром.

Первым делом он отправился в архив ВЧК, которая толь-

ко-только была преобразована в ГПУ. Если все ценные вещи, такие как украшения, изделия из золота и серебра, драгоценные камни и картины, отправлялись в Гохран или фонды музеев, то документы оседали в архивах всевозможных властных структур. Хранились они там безо всякой системы, поскольку мало кому пока были интересны — наводить здесь порядок и определять ценность каждого конкретного документа предстояло потом, после победы в Гражданской войне. Если он не сможет найти ничего подходящего здесь, то тогда план полетит ко всем чертям, и придётся прибегнуть к менее щадящим методам.

Искомое было найдено спустя несколько часов тщательных поисков и внимательного разбора сваленных в беспорядке бумаг. Это была тоненькая тетрадка — альбом какой-то институтки, судя по всему, наполненный стихами и, самое главное, рисунками поклонников. В нём обнаружилось несколько простеньких пейзажей и натюрмортов, изображения цветов и птиц, портрет привлекательной девушки... Никакой ценностью этот альбом не обладал, поэтому и осел здесь, среди бесполезных бумаг и старых тетрадей. Рисунки оказались, на дилетантский взгляд Глеба, не идеальными, но довольно сносными. Как раз то, что нужно человеку, который пытается выдать себя за несостоявшегося художника.

«Вот чем они там занимались, проклятые кровопийцы! — со злостью думал Володин, перебирая рисунки. — Ходили

друг к другу на приёмы да балы и дарили открытки, пока народ горбатился на их заводах за корку хлеба!»

Презрительно фыркнув, он сгрёб рисунки в стопку, вернул в альбом и положил его в кожаный портфель. Напоследок оглядел помещение. Возможно, здесь хранится множество куда более полезных бумаг: переписки, дневники, финансовые документы... Те из буржуев, кто бежал из страны, просто не могли увезти с собой всё нажитое за годы — и даже века! — эксплуатации народа. Ну а те, кто не уехал, либо доживают свой век здесь, в новой России, в условиях, которых никогда не видели, либо... гниют в земле. Все они — те, кто пока сумел спастись от народного гнева и кулака Революции — по-прежнему лелеют надежды когда-нибудь вернуться и вновь заполучить все эти сокровища: бесчисленные драгоценности, золото, серебро, произведения искусства. Они спят и видят, как снова спустятся в свои подвалы, разломают наспех сложенные кирпичные кладки и извлекут на свет спрятанное. Потому что буржуй не может жить без своего золота, без него он теряет самого себя. Блеск золота затмевает для буржуа солнечный свет и становится настоящим смыслом жизни.

Но этого не случится никогда — он, Глеб Володин, не позволит этому случиться. Не зря же он, в конце концов, твёрдо решил связать свою жизнь с Революцией? Ещё мальчишкой попал на фронт и бил белых нещадно, зло, остервенело. А потом — ВЧК. Здесь он мог принести гораздо больше

пользы государству рабочих и крестьян — уж точно больше, чем на фронте. Его аналитический склад ума, дар убеждения, способности к перевоплощению и непонятно от кого доставшиеся благородные черты лица оказались весьма кстати при работе разведчика. Удивительно, но он легко вводил белых командиров в заблуждение, выдавая себя за ярого сторонника сначала царя, а потом и самопровозглашённого Верховного правителя России. Верховный правитель... Народ — вот единственный достойный верховный правитель своего государства! Потому что только народ знает, что для него, народа, лучше и правильнее. Революция показала, насколько эта идея правильна. Пройдёт совсем немного времени, и народ станет полноправной и единственной властью. Дело за малым — победить в войне. Но это лишь вопрос времени.

С этими мыслями Володин собрался уходить. Когда он сунул ненужные документы на одну из переполненных полок, стопка лежавших там тетрадей и журналов наклонилась, издевательски замерла на мгновение и, шурша, рухнула на пол.

Поначалу Володин решил не тратить время на сбор упавших под ноги документов — всё равно большая часть из них пойдёт на растопку печей. К тому же эта кipa, раскиданная по полу, никак не усугубила окружающий бардак. Но один предмет привлёк его внимание.

Это была какая-то медицинская брошюра, старая и потёртая. В ней не было бы ничего примечательного, если бы не

одна крошечная деталь: при падении из неё выпал крошечный прямоугольник бумаги — почтовая марка.

Володин не мог поверить своему счастью! Подняв книжницу с пола, он пролистал её: то тут, то там среди страниц попадались марки, или, если говорить официальным языком, знаки почтовой оплаты.

«Какая удача! — обрадовался Глеб. Он вспомнил единственный пункт раздела «Увлечения» из досье ювелира и все перечисленные там достижения и регалии. — Вот и возможный повод сблизиться — гораздо лучше, чем пачкотня этих гимназистов. Видать, бывший хозяин решил сберечь свою коллекцию от конфискации и спрятал марки в неприметной книжонке. Наверняка здесь есть и другие тайники, но... мне не нужно больше. Когда закончу с делом, обязательно вернусь и поищу ещё — если удастся найти ценные экземпляры, они могут неплохо пополнить государственные коллекции... или казну».

Довольный находкой, он положил книгу в портфель и покинул помещение. До начала операции оставалось уладить всего несколько небольших дел. И Володин собирался покончить с ними сегодня же.

Глава 5

Москва, 2022 год

— Какая муха тебя укусила? — спросил Олег, как только они вышли из часового салона. — Ты хотел продать часы? Ну так он тебе и предложил их выкупить, причём задорого!

— Хотел. Больше не хочу.

— Почему? Чего ты на него взъелся? Нормальный дед вроде.

— Нормальный дед? — возмутился Кирилл. — Ты видел, как он возбудился, когда открыл крышку механизма? Как у него руки затряслись?

— Ну и что? Он же старый! У стариков всегда дрожат руки — это нормально.

— Для кого, для часовщика?

Олег не нашёлся, что ответить, и только пожал плечами.

— В общем, — продолжил Кирилл, — я думаю, с этими часами что-то не так. И пока я не выясню, что именно, продавать их не собираюсь. Надо узнать, кто был их владельцем, тогда и пойму, с чего так заволновался часовщик.

— Эх, жаль, что не удалось посмотреть за работой мастера, — посетовал Олег и почесал затылок. — Этак я не стану часовщиком!

Кирилл фыркнул — голос Олега звучал настолько жалобно, что ему на секунду показалось, что тот и правда расстро-

ен, а не просто кривляется.

— Ладно, пойду сяду где-нибудь и изучу часы внимательно — надо понять, в чём дело, — сказал Кирилл. — А отремонтирую потом в другом месте.

— Я с тобой! — вызвался Олег.

— Это зачем ещё?

— Как это «зачем»? Я должен увидеть, как работает часовщик — не здесь, так в этом твоём «другом месте». Кстати, ты его вряд ли сможешь найти со своим допотопным телефоном. У тебя же нет интернета?

— Нет, — вздохнул Кирилл. Олег попал в точку.

— Ну вот. А у меня, как и у любого нормального человека, есть. Так что я с тобой — готов максимально содействовать установлению истины!

«Подозрительно всё это, — подумал Кирилл. — С чего вдруг такой интерес к механическим часам? Не просто же из желания увидеть, как их чинят — такого, наверное, и в сети полно. Тогда в чём дело? Не хотелось бы повсюду таскать за собой этого раздолбая. Но не посылать же его, в самом деле, из-за моих сомнений — мне с ним ещё жить».

— Как скажешь, — равнодушно произнёс Кирилл. — Пойдём кофе попьем. Недорогого.

— Кофе? Может лучше...

— Не лучше: надо сохранять трезвость ума. Идём в кофейню.

Олег нарочито громко вздохнул, и они двинулись по буль-

вару. Но тут их окликнули.

— Ребята! — прозвенел где-то сзади тонкий голосок. — Подождите!

Оглянувшись, они увидели спешащую за ними Веронику. На ней была мешковатая куртка — другая на её толстый свитер просто не налезла бы. На плече висела вязаная сумка в стиле хиппи на длинной лямке. Глаза прятались за солнечными очками с круглыми синими стёклами невероятного размера, придававшие девушке сходство со стрекозой.

— Можно с вами, Кирилл? — Она застенчиво улыбнулась.

— Это зачем ещё? — спросил Кирилл во второй раз за минуту. В его голосе не слышалось ни тени приветливости.

— Ну... — Вероника замялась. — Ты же заинтересовался владельцем часов? Я могу помочь с его определением — подскажу, с чего начать поиски, куда смотреть и где искать. Я разбираюсь в таких вещах.

— Откуда же?

— Увлекаюсь историей часов и не только. Ты не представляешь, сколько тайн скрывают вещи и какие удивительные открытия можно совершить, если пойти по следу!

— Прекрасно представляю, — холодно ответил Кирилл и огляделся по сторонам, показывая, что разговор ему мало интересен. Но тут же задумался: «Интересно, а почему я и правда не проявил любопытство и ни разу не заглянул внутрь часов? Всё могло бы начаться куда раньше! Ах да, учёба...»

Вероника, видя, что Кирилл не спешит соглашаться на её просьбу, тихо добавила:

— Я починю твои часы. Бесплатно. Там работы и правда на две минуты, их даже разбирать полностью не придётся. Вот только сядем где-нибудь.

— Сядем и отметим знакомство! — закивал Олег, влезая в разговор.

Кирилл вздохнул. Привлекать ещё одного человека, такого же незваного, как и Олег, он не хотел. Конечно, его манила перспектива починить часы бесплатно — в его положении такое предложение было кстати. Тем более что он так и не узнал стоимость ремонта и боялся даже представить сумму, которую ему могут назвать в другом месте. К тому же если Вероника правда разбирается в истории часов, это может помочь — сам-то он в них ни черта не смыслил. Он окинул взглядом девушку, смотревшую на него чуть ли не с мольбой, затем Олега — в глазах того читалась нескрываемая радость, о причинах которой Кирилл мог только догадываться.

— Ладно, идём, — сказал он после очередного недовольного вздоха и, наткнувшись на вспыхнувшие ликованием глаза Олега, строго добавил: — В кофейню!

* * *

Через десять минут они уже сидели за столиком в одном из заведений недалеко от Чистопрудного бульвара. Солнце светило прямо в глаза Кириллу. Ему приходилось щуриться, от чего его недовольное лицо приобрело какое-то совсем уж

кислое выражение. Зато Олег, сидевший напротив вместе с Вероникой, прямо-таки светился от счастья.

— Отличное место! — воскликнул он. — И кофе по-ирландски подают! Спасибо, Вероника, что показала!

— Я редко вырываюсь из мастерской, поэтому предпочитаю хорошие места.

Взгляд Вероники оставался смущённым, однако в нём промелькнуло что-то ещё, что Кирилл не смог определить — какая-то смелость и даже... дерзость?

— Что ещё за кофе по-ирландски? — ворчливо спросил он.

Олег не ответил, а только с довольным видом отхлебнул из бокала.

— С добавлением виски, — пояснила Вероника и отпила из своего бокала, в котором был такой же напиток. — Не хочешь попробовать?

— Нет, — отрезал Кирилл и уставился на свою чашку, в которой был обычный чёрный кофе. — Может, займёмся уже часами?

— А куда торопиться? — пожала плечами Вероника. — Часы столько лет ждали своего часа, ещё десять минут подождут. А мы можем, как предложил Олег, отметить знакомство.

— Не люблю ничего отмечать до захода солнца, — сказал Кирилл. — Это контрпродуктивно.

— Ну ничего себе, какие слова! — Олег всплеснул рука-

ми и расхохотался. — Он у нас филолог, — пояснил он, подмигнув Веронике, — ещё и не такие знает!

— Филолог? — уважительно спросила она. — Здорово! А я вот так и не пошла учиться, хоть и собиралась — дедушка сказал, что для часовщика это... контрпродуктивно. Всему, что мне надо для работы, меня научил он.

— И ты, получается, тоже часовщик? — недоверчиво поинтересовался Кирилл.

— Получается. Хотя я, конечно, не так хороша, как дедушка — практики маловато. Он меня не подпускает к самым ценным экземплярам. Я особо не расстраиваюсь — меня больше интересует история, которую скрывает каждая вещь. Но в механизмах я всё же немного разбираюсь. Так что давай сюда свои часы. Прямо сейчас почию — обещала же.

Кирилл замешкался.

— Ой, да расслабься ты! — улыбнулась Вероника. — Не украду.

— Вот именно, Кирилл, расслабься, — добавил Олег, делая глоток. — Это же не твоя история с Гоголем — тут за тобой не будут гоняться маньяки, бандиты и вымогатели. Знай себе сиди, пей кофе и смотри, как работает специалист.

Вероника попыталась изобразить смущение от такой оценки, но у неё не слишком получилось — в глазах промелькнули довольные огоньки.

— А что за история с Гоголем? — спросила она.

— Да там ничего интересного... — попытался отвертеть-

ся от расспросов Кирилл.

— Ну не скромничайте, господин филолог! — сказал Олег. — Так уж и ничего интересного. Там, Вероника, такое было — не поверишь! Сейчас он тебе всё расскажет, никуда не денется. Только не под чёрный кофе — история-то длинная. Да-да, Кир, не кривись, я тебя заставлю попробовать кофе по-ирландски! Я угощаю.

— Кирилл, ну расскажи, пожалуйста! — присоединилась Вероника. — Мне так интересно!

Кирилл вздохнул и начал рассказ. Сначала он был как будто зажат и говорил нехотя, но с каждым глотком смелел и становился всё увереннее. Расслабившись и поддавшись на уговоры Олега, он позволил вслед за кофе по-ирландски заказать ещё несколько напитков, и в каждом из них без исключения была доля алкоголя — заведение оказалось не столько кофейней, сколько баром.

Постепенно Кирилл окончательно раскрепостился. Щёки его зарумянились, голос стал развязным, а история начала обрастать совсем уж фантастическими деталями. Олег, слушая это и более или менее зная, как всё было на самом деле, то и дело фыркал, не в силах сдержать смех, но друга не выдавал. Поэтому Вероника, которая в какой-то момент пересела на сторону Кирилла и даже положила руку ему на плечо, услышала красочные описания невероятных схваток с бандитами, бешеных погонь и даже явившегося Кириллу во сне духа Николая Гоголя.

— Потрясающая история, Кирилл! — сказала Вероника, когда тот закончил. — Как ты ловко со всеми разобрался! Ты настоящий герой! — После этих слов она поцеловала его в щёку.

Кирилл от неожиданности замер, зарделся и смог из себя выдать только какое-то невнятное бормотание.

— Не скромничай, — продолжила Вероника. — Тебе не идёт.

— Ну, — замялся Кирилл, — я не то, чтобы прямо герой. Просто так сложились обстоятельства.

— Ага, — усмехнулась Вероника. — «Любой бы поступил так на моём месте» и всё такое. Не принижай своих заслуг — ты молодец. Не хочешь выйти подышать воздухом? Перекурить?

— Ты куришь? — удивился Кирилл.

— Только когда дедушка не видит. А что в этом такого?

— Да, ничего... Просто я не думал, что ты...

— Что? Что я курю? Потому что я вся из себя такая скромница? — На её лице заиграл румянец, а губы растянулись в лукавой улыбке. — Ой, ладно тебе! Это всё, чтобы дедушка не волновался.

— Вы с ним очень близки?

— Конечно. Я — единственная, кто есть у него, а он — единственный, кто есть у меня.

— А... — начал было Кирилл.

— А про родителей не расскажу. Так ты идёшь?

— Иду, — удивив самого себя, ответил Кирилл.

— Я тоже иду, — весело сказал Олег, но через секунду передумал: — Хотя нет. Пожалуй, останусь. Боюсь, знаете ли, простыть.

Кирилл пожал плечами, и они с Вероникой вышли из кафе.

На улице она протянула ему пачку сигарет.

— Будешь?

— Я никогда... Я не... — замямлил Кирилл, сомневаясь.

Что-то в этой девушке — он никак не мог понять, что — привлекало его. Нет, даже *влекло* его — то, как она приобняла его за плечо, как чмокнула в щёку, как осыпала комплиментами. Это влечение было мучительным: одна половина его разума кричала о том, что ей нельзя доверять, и в то же время другая... хотела сблизиться, искала что-то общее. И поскольку не находила, решила создать самостоятельно.

— Эх, ладно, давай, — услышал Кирилл собственный голос.

Он неуверенно достал из протянутой пачки тонкую белую сигарету, покрутил её в пальцах, понюхал и с сомнением засунул в рот.

— Неужели и правда в первый раз? — усмехнулась Вероника.

— Если честно, да.

— Ну надо же. Похвально.

Она прикурила, шагнула к Кириллу, глядя прямо ему в

глаза, обняла за шею и, прикоснувшись горящим кончиком своей сигареты к его сигарете, томно прошептала на ухо:

— Затянись.

По затылку Кирилла пробежали мурашки, как будто ладонь Вероники была наэлектризована. Он почувствовал, как внутри него разгорается тепло, и это было тепло не от кофе или алкоголя. Оно мгновенно согрело Кирилла, так что он тут же забыл, что на улицу они вышли без курток. Повинуясь словам Вероники, словно кобра дудочке заклинателя, он скосил взгляд на кончик своей сигареты и, смешно выпучив глаза, затянулся. Тлеющий огонёк на конце её сигареты стал ярче, а затем перекинулся на его. Кирилл затянулся ещё раз.

Такого приступа кашля у него не было давно! А может быть, и вообще никогда. Дым вместе с воздухом и слюной вырвался наружу из обожжённого горла, голова тут же закружилась, а во рту почувствовалась мерзкая горечь. Прокашлявшись и сплюнув в стоящую рядом урну, он сказал заливающейся смехом Веронике:

— Ну и дрянь! Зачем люди это делают? Это же противно!

— А ты ещё раз попробуй, — ответила Вероника, утирая выступившие на глазах слёзы. — Только не так глубоко.

Кирилл попробовал. Головокружение и ощущение мерзости во рту только усилились, а никаких приятных ощущений он по-прежнему не чувствовал.

— Нет, это точно не для меня, — сплюнув в очередной раз и затушив сигарету, сказал Кирилл. — Зря я согласился.

Больше никогда в жизни не буду курить.

— Зато ты теперь точно знаешь, что это не твоё. Значит, больше не соблазнишься.

— Да я вообще-то и не планировал соблазняться, — ответил Кирилл и тут же добавил: — Сигаретами.

— Ну хотя бы только сигаретами, — загадочно улыбнулась ему Вероника, и Кирилл снова почувствовал разливающееся по телу тепло.

— А тебе-то это зачем? Неужели нравится?

Вероника пожала плечами.

— Это один из немногих доступных мне способов почувствовать себя свободной, понимаешь? Меня с детства готовили к работе в салоне, ведь когда-нибудь он станет моим. Я почти всё время провожу там, так что часы — это практически единственное, что есть в моей жизни. А иногда так хочется отвлечься!

Кирилл мало что понял — головокружение мешало сосредоточиться и осознать услышанное. Да и к таким сложным темам он оказался не готов.

— Пожалуйста, идём внутрь, — сказал он. — Хочу запить эту гадость.

Едва они шагнули к двери, как сзади раздался рёв двигателя и чей-то оклик:

— Ника! Ника, стой!

Кирилл остановился. Вероника, испустив нервный вздох, обернулась и выкрикнула:

— Не называй меня так! Сто раз говорила!

Кирилл развернулся и увидел подъехавший к ним мотоцикл, с которого тут же соскочил долговязый молодчик. На ходу сняв шлем, он кивнул в сторону Кирилла и агрессивно спросил:

— Это кто ещё такой? Твой новый хахаль?

— Не твоё дело! Отвали.

— Ну уж нет, моё! — скорчив злобную гримасу, прорычал байкер.

Его высокий, чуть ли не детский голос резко контрастировал с дерзкой манерой общения. На нём была типичная для представителей его увлечения кожаная куртка, безвкусно облепленная многочисленными нашивками. Он был чуть выше Кирилла и почти так же худ. С головы свисали длинные сальные патлы волос неопределённого цвета, а из подбородка торчали редкие тонкие волоски, призванные, по всей видимости, когда-то стать бородой.

— Не успела от меня уйти, а уже нового нашла! Ах ты...

— Отвали, я тебе сказала! — яростно выпалила Вероника, подскочив к парню и глядя на него снизу вверх. — Я от тебя не уходила! У нас вообще, считай, ничего не было, чтобы ты считал меня своей!

— Ах так? — возмутился патлатый, отступая назад и грозя Веронике пальцем. — Ну это мы ещё посмотрим! А ты чего уставился? — Он перевёл палец на Кирилла. — По роже захотел? А ну иди сюда! Или будешь за девку прятаться?

Кирилл, обычно предпочитающий не вступать ни в какие конфликты, был так задет словами молодого байкера, да к тому же разгорячён алкоголем, что почувствовал яростное желание подраться. Он шагнул навстречу обидчику, но увидел испуганный взгляд Вероники, поэтому смог быстро справиться с закипающим внутри гневом и просто сказал:

— Во-первых, уважаемый, — он выделил это обращение интонацией так, чтобы даже самому тупому хулигану сразу стало понятно, что ни о каком уважении речь на самом деле не идёт, — она не девка, а девушка. Во-вторых, она тебе сказала отвалить, поэтому по-хорошему предлагаю прислушаться. Ну а в-третьих... — Кирилл на секунду задумался, по-мужски ли будет озвучить этот аргумент, — драться со мной не советую — у нас в этой кофейне друзья сидят, так что нас просто-напросто больше.

Байкер окинул Кирилла с ног до головы и, широко раздувая ноздри от злости, медленно произнёс:

— Ну это мы ещё посмотрим, кого тут больше. Ника, ещё увидимся!

После этого он запрыгнул на мотоцикл и, газуя явно сильнее, чем это было необходимо, умчался вдаль под треск выхлопов.

— Ух, — с облегчением выдохнула Вероника. — Это Валера, мой бывший, если так можно выразиться. Тупой, как валенок. Я с ним поэтому и рассталась. Да хотя и не было у нас ничего, если подумать.

— Как же ты с ним вообще связалась? Он же дикий какой-то!

— Да вот... как-то получилось. Спасибо, что заступился! А говоришь, не герой.

Вероника обняла Кирилла за шею, притянула к себе, на секунду задержалась, словно сомневаясь, и горячо поцеловала.

Кириллу показалось, что он сейчас потеряет сознание, так сильно у него кружилась голова от алкоголя, сигареты, адреналина от чуть не состоявшейся драки, а теперь и от этого поцелуя. Но от поцелуя сильнее всего. Конечно, это был не первый его поцелуй. Но вот чтобы так, через пару часов после знакомства, с едва знакомой девушкой, да ещё так... по-настоящему... Такое с Кириллом точно случилось впервые.

Он перестал дышать, но в то же время ощущал запах её волос. Аромат сигаретного дыма, вдруг переставший казаться противным, соединился в безумном вихре с нотками цитруса, яблока и чего-то ещё, что Кирилл никак не мог определить. Да он и не пытался. Этот аромат заглушил все мысли и заполнил сознание густым пьянящим туманом, в котором хотелось утонуть. Остановить время, раствориться в незнакомом чувстве, дать горячей волне наслаждения поглотить себя с головой — вот всё, о чём он мечтал в тот момент.

Но внезапно всё закончилось. Он не сразу осознал, что Вероника мягко отстранилась от него, и ещё секунду продолжил стоять с закрытыми глазами и приоткрытыми губа-

ми. Наконец он распахнул веки. Испугался, что сделал это до нелепости резко и теперь стоит с комичным видом. Прищурился. Смутился.

Вероника, соблазнительно улыбаясь, спросила:

— Ну что? Идём внутрь? Займёмся часами?

— Да... — протянул Кирилл отрешённо. — Займёмся... часами...

Глава 6

Москва, 1922 год

Выйдя из здания ГПУ, Володин задержался у дверей и вдохнул сырой московский воздух. Окинул взглядом широкую площадь, старый чугунный фонтан, вереницы людей и лошадей.

— Серебряные что ль? — донёсся до него чей-то голос.
— Дай посмотреть!

Глеб повернулся: чуть поодаль входа в здание спорили о чём-то два красноармейца-часовых — рожи красные, грубые, в зубах у каждого зажато по папиросе.

— Держи карман шире! Знаю я тебя.

— Да дай ты!

— Не дам! Мои!

— Неужто ходють?

— Ходють-ходють, не переживай.

— Откуда ж такое счастье, браток?

— Отобрал ещё в девятнадцатом у одного интеллигентши. Ещё и в пятак ему вмазал. Ох и драпал он потом от меня!

Красноармейцы дружно заржали.

— Ну, а говоришь, твои, — продолжил первый, когда смех затих. — Украл, так дай посмотреть-то!

— Не украл, а эксп... экспериировал. Сказал не дам!

— Ну ты и жлоб, Васька! Одним словом, Выродов!

Володин окинул их последним презрительным взглядом и вышел на Лубянскую площадь под удаляющиеся звуки спора. Он уткнулся носом в поднятый воротник шинели и практически не смотрел по сторонам. Сделав пару шагов, он остановился, чтобы пропустить ползущий сквозь толпу трамвай, увернулся от цокающей по кривым булыжникам лошади и влился в поток прохожих, не поднимая глаз. А на что тут смотреть? И, главное, зачем? Одни виды менялись слишком быстро, другие — не менялись вовсе. Лубянку, да и вообще центр города, успели привести в порядок — теперь Москва действительно напоминала столицу, которой можно было гордиться. Но стоило свернуть с центральных улиц и площадей... Пусть с Октябрьского восстания и прошло почти пять лет, но на многих улицах до сих пор царила разруха: тротуаров нет, повсюду лужи, мусор, шелуха от семечек, многие деревянные дома разобраны на дрова, на стенах каменных — дырки от пуль. Вокруг было шумно: мимо Володина проносились гружёные скарбом ломовые подводы, повсюду сновали шайки мальчишек-беспризорников, где-то слышались звуки очередной демонстрации...

Он пересёк площадь и двинулся дальше, вдоль Китайгородской стены. Окинув взгляд памятник первопечатнику Фёдорову, он задержался у Третьяковских ворот — огромного сооружения, по сравнению с которым даже сама стена — древняя и внушительная — казалась деревенским забором.

Володин, выросший в скромности и весьма малом достатке, презирал излишества, обильно украшавшие ворота: все эти башенки, флюгеры, зубцы, столбики и завитушки. Никакой пользы, одна показуха. Но всё же Глеб не мог отделаться от мысли, что эти ворота ему нравятся. Он видел в них некий символ прошлого, часть многовековой истории России. Конечно, эта история вершилась под деспотичной властью монархов, князей, помещиков и буржуев и была пропитана кровью и потом народа, поэтому ворота олицетворяли собой также роскошь и неуёмную алчность недавних правителей. Но ведь... в конце концов, это же просто постройка? Просто красивое здание, не несущее никакого вреда. Совсем скоро в его стенах разместится школа, столовая для рабочих или редакция коммунистической газеты — словом, что-то, приносящее пользу народу. И о том, что когда-то здесь располагались магазины, где зажавшиеся богачи тратили баснословные деньги на тряпки и духи, никто и не вспомнит. А башенки и флюгеры можно, в конце концов, убрать.

Лелея в голове эти мысли о светлом будущем, Володин, следуя излому стены, юркнул в переулок и оказался позади гостиницы «Метрополь». Здесь нашла своё временное пристанище его цель, и именно сюда Глебу предстояло попасть — при условии, что ювелира не удастся сразу заманить к себе домой.

Володин надеялся, что в гостиницу его приведёт сам ювелир после знакомства, так что с проникновением не должно

было возникнуть проблем. После переноса столицы в «Метрополе» разместились партийная верхушка, здесь заседали великие вожди и располагались Наркоматы. Где-то там, на верхних этажах, обитал и сам ювелир — никак, снова товарищ Троцкий посодействовал.

Проблема состояла в том, что в «Метрополе» хватало и простого люда. Среди прочих, здесь ютились и представители пролетариата, и вчерашние рядовые революционеры, и фронтовики, ныне занятые на ответственных должностях. А ну как кто узнает Глеба? Среди подобной публики у него знакомцев хватало. Достаточно будет одного оклика, чтобы его легенда пошла прахом. Нет, этого нельзя было допустить. Именно для этого Володин к «Метрополю» и пришёл — нужно было найти наименее рискованный маршрут.

Он огляделся. За спиной, всего в нескольких метрах от гостиницы, находилась всё та же Китайгородская стена. Молодому чекисту стало не по себе: этот участок, хоть и казался выше того, около которого располагался памятник первопечатнику, выглядел не в пример более ветхим. Тёмные кирпичи почернели от времени, кладка казалась ненадёжной, а сама стена так сильно накренилась, что того и гляди обвалится. Володин прикинул, успеет ли он отскочить в сторону и спрятаться в гостинице, если стена вдруг начнёт рушиться прямо сейчас. И решил, что не успеет. Поэтому он быстро сделал какие-то пометки в записной книжке и поспешил покинуть опасный переулок. Нет, он не был трусом. Никогда не боял-

ся погибнуть на фронтах Гражданской войны или в борьбе с контрреволюционерами здесь, в тылу. Но быть вот так раздавленным старой кирпичной стеной без шанса на спасение ему совершенно не хотелось. «Ничего, — подумал он. — Вот выиграем войну, тогда и стену обязательно подлатают! Мои дети ещё побегают под ней, не боясь обвала».

Он сам удивился неожиданной мысли, ведь от создания семьи он был очень далёк и пока даже не думал об этом. «Сначала победа мирового пролетариата, а уже потом — семья. Семья, которая будет жить в светлом, счастливом, справедливом будущем, где единственной властью будет народ!» С этой мыслью Володин вышел из переуллка, пересёк улицу, уворачиваясь от телег, и оказался на площади Свердлова, бывшей Театральной.

Отсюда он оглядел фасад гостиницы «Метрополь». Он не был в Москве в 1917 году, но слышал, что здание сильно пострадало во время событий Октября. Однако сейчас оно выглядело как ни в чём не бывало: исчезли дырки от пуль, повреждения, нанесённые артиллерией, следы пожаров. Почти ничего не напоминало о пережитых испытаниях, так что бывшая гостиница была достойна своего нового названия — Второй Дом Советов.

Немного постояв и полюбовавшись внушительным сооружением, Володин двинулся на север и спустя полчаса неторопливой ходьбы оказался на Сухаревской площади.

Что это было за место! Огромный рынок, протянувшийся

от Цветного бульвара до Сухаревой башни и даже дальше. Всё пространство, насколько хватало глаз, было заполнено людьми: тысячи продавцов, ещё больше покупателей, вереницы гружёных телег, тачек и самодельных повозок всех видов, носильщики с мешками на плечах, шайки босых мальчишек, готовых стянуть любую безделушку с прилавка и тут же скрыться в толчее под неистовую ругань продавца... На Сухаревке торговали все и везде: из деревянных ларьков, из-под матерчатых навесов, с приспособленных под прилавки ящиков, а кто и вовсе с земли, сидя прямо у колёс неторопливо прорезающих это столпотворение трамваев. И все самозабвенно торгуются, перекрикивая друг друга, спорят, толкаются, а то и кулаки в ход пускают — от этой суеты Володиной стало не по себе. Он обхватил свой портфель двумя руками и влился в толпу.

Купить и продать здесь можно было всё что угодно: от продуктов питания до любых предметов быта, одежды, обуви, предметов искусства и многого другого. Потерявшие значительную часть своих капиталов аристократы приносили сюда остатки былой роскоши: фарфор, хрусталь, картины, драгоценности, часы, платья, сюртуки, шубы... Одежда подчас была в настолько непотребном виде — затёртая до дыр, пропитанная грязью, сыростью, изъеденная молью, плесенью и временем — что невозможно было представить, что её получится продать. Однако на Сухаревке продавали и покупали всё — на любой товар находился покупатель, и выру-

читать немного денег даже за самую дрянную вещь удавалось почти всегда.

За одеждой Володин на Сухаревку и пришёл. Имеющиеся у него шинель и кожанка не подходили для выполнения задачи. Требовалось пальто — простое, немного потёртое, подобающее представителю рабочего класса. Таковое пальто было найдено спустя час поисков и толкотни на Сухаревке. Немного поторговавшись, Володин сунул ушлому торговцу с пропитой рожей несколько рыжих миллионных бумажек и поспешил убраться с рынка, перекинув обновку через локоть. Торговался он больше для вида, чем для экономии — деньги дешевели с такой скоростью, что за уплаченную им за пальто сумму завтра нельзя будет купить даже кило картошки. Так что Володин не видел никакого смысла жадно хвататься за каждый миллион. Скоро правительство снова выпустит новые деньги, проведёт очередную реформу и рано или поздно преодолеет ту катастрофу, в которую угодило молодое государство — там люди умные, разберутся. А его, Володина, задача — сделать всё, чтобы это время наступило как можно скорее и с наименьшими жертвами среди народа. Нужно найти буржуйское золото? Ну так он его в два счёта отыщет!

Подбодрив себя этими мыслями, Глеб направился прочь с площади, но вдруг стал свидетелем удивительного представления. Прямо посреди торговцев и покупателей на земле сидел старый китаец и показывал фокусы: то доставал

не пойми откуда, то снова заставлял исчезнуть несколько яблок. Толпа зрителей взрывалась восторженными криками при каждом трюке.

Внезапно Глеб почувствовал в кармане шинели чужую руку. Инстинкты сработали молниеносно — он схватил вора раньше, чем успел сообразить, что происходит. Сильно выкрутив запястье до хруста суставов, он обернулся и столкнулся взглядами с щуплым китайчонком, совсем ещё мальчишкой. «Схема ясна, — подумал Володин. — Старик отвлекает внимание публики трюками, а этот ворёнок щиплет карманы. Ну ничего, кара настигнет каждого!»

Он не успел открыть рот, как вдруг мальчишка злобно ухмыльнулся, обжёг Володина полным ненависти взглядом и угрём выскользнул из хватки, казавшейся стальной. Он отпрыгнул назад, выкрикнул что-то непонятное Глебу и юркнул в толпу. Старый фокусник тут же вскочил, выронив из рукава спрятанное яблоко, ослабил и, сделав пару шагов назад, растворился среди зевак. Бегство китайцев заняло какую-то секунду — куда они подевались, не понял никто, а Глеб так и остался стоять с открытым ртом.

«Растяпа! — злясь на самого себя, подумал Володин. — Надеюсь, никто ничего не заметил, а то позору бы было... Старик и ребёнок обвели сотрудника ГПУ вокруг пальца, подумать только! — Он проверил содержимое кармана. — Хорошо хоть деньги на месте».

Глеб тихо выругался и покинул место своего позора. «Ни-

чего, — думал он. — Очень скоро преступности в стране не останется. Вот добьём белых и всеми силами возьмёмся за эту пададь! В новой России таким шаромыжникам места не будет!»

Быстро прикупив ещё нескольких необходимых для дела мелочей, он направился прочь. Уже на окраине рынка он посмотрел на часы и заторопился на Неглинную — нужно было убедиться, что его план пройдёт как по нотам. Ведь всё случится уже завтра.

Глава 7

Москва, 2022 год

— Ну, голубки, надышались воздухом? — ехидно спросил Олег, едва Кирилл и Вероника вернулись за стол.

— Ты всё видел? — растерянно спросил Кирилл.

— А то! И как вы целовались, видел, и как ты курил, я тоже, между прочим, видел! Стыд вам, Кирилл Александрович, и позор! Это ж надо! — с наигранным возмущением запричитал Олег.

Кирилл смутился и опустил глаза, а приятель продолжил:

— Ваш разговор с этим волосатым я тоже видел. Жаль, не слышал — видимо, было интересно. Но, Кирилл, если бы началась драка, я бы, будь уверен, подскочил!

— Уверен, что подскочил бы, — улыбнулся Кирилл.

— Ребята, может, изучим наконец часы? — перевела тему Вероника.

— Изучим, — кивнул Кирилл. — Пора уже. Держи.

Он протянул Веронике часы. Та, достав из сумки кожаный пенал, извлекла из него несколько инструментов и тут же начала возиться с часами.

Кирилл откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. «Всё-таки интересно, кому же они принадлежали. Неужели их владелец настолько очевиден, что Варфоломееву хватило одного взгляда, чтобы понять, кто это? Хотя нет, сначала он

ничего не заметил, только повторял, какие это хорошие часы. И только открыв крышку часового механизма, он что-то увидел. Что же там такое? — Кирилл покосился на Веронику, которая пыталась что-то сделать маленьким пинцетом. — Может, я и правда был слишком резок? В сущности, он ведь ничего плохого не сделал — просто предложил продать часы, которые я и так собирался продать. И продал бы, чёрт возьми, если бы реакция Варфоломеева не была такой бурной, если бы он повёл себя по-другому. — Кирилл задумался. — Но он не повёл. Он начал юлить и врать. Это всё неспроста — в этих часах что-то есть. Вот только что?»

— Кирилл. — Голос Вероники прозвучал так взволнованно, что он сразу же открыл глаза. — Глянь-ка сюда.

Она указала пальцем на корпус часов со стороны часового механизма. Кирилл пригляделся: те знаки, которые он, будучи увлечённым разглядыванием странной монограммы, ранее принял за декоративные насечки, оказались буквами — мелкими, едва читаемыми. И буквы эти складывались во вполне осмысленные слова.

Он подвинул часы к себе, наклонился ниже и прочитал выгравированные по кругу крошечные буквы:

— «PER STATERAM ROTAM AD ULTIMAM CONSTELLATIONEM».

Он поднял растерянный взгляд: на лицах Олега и Вероники читалось непонимание.

— И что это такое? — нарушил тишину Олег.

— Латынь, насколько я могу судить, — неуверенно ответил Кирилл.

— Ты её знаешь?

— Немного. Изучал на первом курсе. Без глубокого погружения.

— И что тут написано?

— Говорю же, я в латынь не погружался! — Получилось резче, чем Кирилл хотел. — Мне не было интересно изучать её.

— Эх, вот тебе и филолог... — с досадой сказал Олег.

Это задело Кирилла. Он мог стерпеть упрёки в чём угодно, но только не в плохой учёбе — зря он что ли посвящал ей столько времени? А латынь... Ну, она и правда казалась тогда бесполезной. Кто же знал, что теперь ему пригодится знание мёртвого языка?

Кирилл сжал зубы, подавив порыв ответить грубостью, и вместо этого тихо проговорил:

— Конструкция такая же, как в известном выражении «per aspera ad astra» — «через тернии к звёздам». То есть здесь сказано: «через что-то к чему-то». — Он задумался. — Слово «ultimam» означает «последний» женского рода в винительном падеже, то есть «ad ultimam» значит «к последней». К последней чему-то, что в именительном падеже пишется как... «constellatio». Но вот что это такое...

— Созвездие, — ответила Вероника на риторический вопрос.

— Созвездие? Это вполне вероятно — род существительного в латыни и в русском может не совпадать... — Кирилл осёкся и в удивлении уставился на Веронику. — Ты знаешь латынь?

— Нет, я знаю французский. — Она довольно улыбнулась. — Многие часовые термины пришли в русский язык из французского, не говоря уже о том, что самые известные марки часов производятся именно во франкоязычной части Швейцарии. Хороший часовщик не может не знать французского.

— И... твой дедушка тоже знает французский? — стараюсь скрыть мнительность, спросил Кирилл.

— Конечно. У нас в мастерской половина каталогов на французском.

— Понятно. — Кирилл нахмурился. — И что там с созвездием?

— По-французски это будет «constellation» — почти как написано здесь, разница в двух буквах. Я просто увидела знакомое слово.

«Значит и Варфоломеев тоже мог его увидеть, — к своему неудовольствию подумал Кирилл. — Неужели одно это слово дало ему понять, кто был владельцем часов?» Он отогнал мысли, решив, что нужно для начала полностью перевести фразу.

— А что такое «per stateram rotam», ты случайно не знаешь? — спросил он Веронику.

— К сожалению, нет.

— Я тоже не знаю.

— А я знаю, — довольно отозвался Олег, который всё это время сидел, уткнувшись в телефон. — Вся фраза целиком означает «Через колесо баланса к последнему созвездию». — Широко улыбаясь, он продемонстрировал Кириллу и Веронике экран смартфона. — Современные технологии побеждают ваше знание языков, господа выпендрёжники.

— Это всего лишь онлайн-переводчик, — фыркнул Кирилл. — Не такая уж и современная технология.

— Но я-то, в отличие от тебя, догадался ей воспользоваться! Будь у тебя нормальный телефон, ты бы сразу подумал...

— Давай не сейчас, Олег! — грубо оборвал его Кирилл. — Но спасибо.

— Пожалуйста, — с улыбкой ответил приятель. — Интересно, что за колесо баланса? Какая-то буддийская фигня? Почему тогда написано на латыни, а не... по-буддийски?

— Я не знаю, — ответил Кирилл.

Весь его вид выражал сосредоточенность — он пытался понять, что к чему. Посмотрел на Веронику: та сидела молча, отстранённо направив взгляд на улицу, но что-то в выражении её лица дало понять Кириллу, что она знает чуть больше, чем он и Олег.

— Вероника, — обратился к ней Кирилл таким строгим тоном, что та вздрогнула, — ты что-нибудь про это знаешь?

— Я... я не уверена.

— А я уверен. Уверен, что знаешь. Твой дедушка в мастерской упомянул что-то про баланс. Что это такое?

Вероника, поняв, что выбора у неё нет, вздохнула и начала объяснять.

— Баланс — это часть механизма, обеспечивающая точность хода. В настенных и напольных часах для этого используется маятник — видел, наверное. Вот, смотри. — Она снова взяла тонкий пинцет и ткнула им внутрь часов. — Это мост баланса — рамка, на которой он установлен. Вот «градусник» — регулятор частоты колебаний. Вот этот тонкий металлический волосок — спираль. Ну а вот это — колесо баланса.

Вероника указала на металлическое колёсико, в обод которого были вкручены полтора десятка микроскопических винтиков с цилиндрическими головками. В центре этого колеса помещалась закрученная в спираль металлическая лента — настолько тонкая, что слово «волосок», употреблённое Вероникой, подходило ей как нельзя лучше. Вся эта конструкция была установлена под металлической рамкой, на которой также располагалась стрелочка со шкалой — «градусник» — и розоватый рубин, фиксирующий ось колеса.

— И... что всё это значит? — Кирилл растерянно посмотрел на Веронику. — Что за «последнее созвездие»? Как оно связано с этим балансом?

— Я не знаю, — ответила Вероника. — Честно.

— Коллеги, — встрял в разговор Олег. Его полный энту-

зиязма голос звучал живо и бодро — совсем не так, как тихие голоса Кирилла и Вероники, не выражающие ничего кроме озадаченности. — Мне кажется, у нас тут настоящая тайна! Как в кино!

Кирилл ничего не ответил, лишь одарил приятеля многозначительным взглядом, предлагая продолжать.

— Смотри сам, — начал рассуждать тот, — у нас есть часы девятнадцатого века...

— У *меня* есть часы девятнадцатого века, — возразил Кирилл.

Олег закатил глаза.

— Хорошо, у тебя есть часы девятнадцатого века. Кроме загадочной монографии...

— Монограммы, — машинально поправил его Кирилл.

— Тьфу, да какая разница! Кроме загадочной монограммы на них написаны очень странные слова, на первый взгляд не имеющие никакого смысла. Не кажется ли вам, что она здесь не просто так? Я вам говорю, это тайна! И кто, как не мы, способен её разгадать?

— Мы?

— Мы! Специалист по словам, отыскавший рукопись Голя. Специалист по часам и по их истории. И я.

— Специалист по... чему? — с лёгкой издёвкой спросил Кирилл.

— А я вообще универсален! — не растерялся Олег. — Хочешь, загадку разгадаю, хочешь, заболтаю кого-нибудь, что-

бы вывести секреты. А хочешь, в какую-нибудь электронику влезу или сайт взломаю.

— Серьёзно? Сможешь сайт взломать?

— Ну, я не пробовал, но, думаю, смогу — вряд ли это так сложно.

— И с чего же ты, уважаемый *homo universalis*, предлагаешь начать?

— Как с чего?! — чуть ли не выкрикнул Олег. — Первым делом нужно разобрать часы!

— Ага, щас! — запротестовал Кирилл. — Вероника сказала, что сможет починить их, не разбирая.

— Так ведь теперь нам не нужно их чинить, мой несмышлёный друг! Теперь нам нужно узнать их секрет! Готов спорить, где-нибудь на этом колесе есть подсказка. Какая-нибудь надпись...

— Ты его видел? Оно же крошечное! Какая ширина его обода? Миллиметр? Вероника, что скажешь? Может ли на колесе баланса быть какая-нибудь надпись?

Вероника покачала головой.

— Не думаю. В девятнадцатом веке таких технологий быть не могло. Но... вдруг? — Она посмотрела на Кирилла, и он прочитал в её глазах немую просьбу. — Давай попробуем?

Кирилл засомневался. Он вообще не хотел разбирать часы, но ещё меньше ему хотелось привлекать к этому Веронику. Но в конце концов любопытство и жажда очередного

открытия победили.

— Ты сможешь их разобрать?

— Конечно, — уверенно заявила Вероника. — Правда, это займёт больше времени, чем простая починка. Может, вернёмся в мастерскую? Там это будет сделать удобнее и быстрее.

«Чёрта с два! — подумал Кирилл. — Не понесу я часы к твоему деду — слишком уж он разволновался при виде их, наверняка заметил надпись про созвездие. Я ему не доверяю. Не говоря уже о том, что я не доверяю тебе».

— Нет, — отрезал он. — Разбирай часы здесь. Не хочу тратить время.

— Отличная идея! — подхватил Олег. — Мне здесь нравится, хочется ещё посидеть. Официант!

— Ну уж нет, — строго сказал Кирилл. — Хочешь присоединиться ко мне в этой авантюре — никакого алкоголя, пока она не закончится. Или, по крайней мере, пока не вернёмся в общагу.

Олег резко погрузился, но спорить не стал.

— Итак, Вероника, разбирай часы, доставай этот баланс. — Он снова протянул ей часы. — Олег, дай мне свой телефон, пожалуйста.

— А твой что? Ах, ну да, — ухмыльнулся Олег и протянул другу телефон.

Кирилл сел, опершись спиной о стену так, чтобы ни Олег, ни Вероника не могли заглянуть в экран, но им было не до

него: Олег пялился в окно и тоскливо цедил остатки своего напитка, а Вероника, вставив в глаз какой-то нелепый окуляр и вооружившись отвёрткой и пинцетом, неторопливо выкручивала из часового механизма винты.

Поэтому Кирилл спокойно уткнулся в телефон и ввёл в поисковик запрос «последнее созвездие». На экране появилось созвездие Ящерицы — последнее по алфавиту в длинном списке созвездий. Он изучал страницу с результатами поиска, но все упоминания касались именно космических созвездий — скоплений звёзд. Кирилл нашёл последнее описанное созвездие, последнее созвездие по площади и много чего ещё. Но это всё не подходило — без дополнительных вводных искать было, похоже, бесполезно.

Тут он почувствовал, как ему на бедро легла рука Вероники.

— Кирилл, я всё сделала, — негромко произнесла она. — Ты готов?

Не дожидаясь ответа, она аккуратно подняла пинцетом и отложила в сторону мост — металлическую рамку, на которой крепился баланс. Затем ещё бережнее взяла само колесо со спиралью. Её руки слегка дрожали. Кирилл взглянул на свои — они тряслись не меньше, хотя он в данный момент не держал в руках хрупкую деталь старинного механизма. Это было простое волнение — только и всего. «Это вполне объяснимо, — оправдывая Веронику, заключил он. — Она тоже нервничает, и это не имеет ничего общего с той возбуждён-

ностью, которая внезапно охватила её деда».

Вероника поднесла часть механизма к окуляру и принялась тщательно осматривать со всех сторон. Она изучила даже внутреннюю сторону обода колеса и наконец сказала:

— Здесь ничего нет. Это было предсказуемо — никто не смог бы нанести сюда надпись в те годы, когда были изготовлены часы.

— И что теперь? — разочарованно спросил Олег.

— Не знаю, — пожал плечами Кирилл. — Ты нам скажи — ты же у нас универсальный человек и мастер разгадывать загадки.

Олег насупился, уткнулся взглядом в стол и принялся беззвучно шевелить губами — мыслительный процесс легко читался на его лице. Кирилл, довольный тем, что на некоторое время озадачил приятеля, снова взял его телефон, но, не придумав никаких новых поисковых запросов, закрыл глаза — так ему обычно думалось лучше всего. Он постарался отрешиться от внешнего мира, и ему это удалось — звуки вокруг начали постепенно стихать, разум освободился от лишней информации, а перед глазами возникли необходимые образы.

«Думай, Кирилл, думай!» — подгонял он собственные мысли — это иногда помогало. Рука то и дело дёргалась к телефону, но без новых ключевых слов искать было бессмысленно — это он понял по первой попытке.

«Что вообще у меня есть?» — мысленно спросил он само-

го себя. В сознании тут же возникли все известные ему скудные данные: выгравированная на корпусе часов загадочная латинская фраза про созвездие, надпись «МСМХVII», монограмма «А.Ф.» и даже все серийные номера и едва заметные царапины. Он мысленно начал прокладывать связи между всеми этими деталями, но ничего осмысленного у него не выходило.

«Так, МСМХVII — это 1917 год. — Для этого заключения Кириллу даже не пришлось пользоваться телефоном — уж римские цифры он знал назубок. — К сожалению, год к созвездию не привяжешь: если бы речь шла о планете или другом небесном теле, 1917-й мог бы означать год открытия, но созвездие — это не то понятие, которое можно открыть. Созвездия не открывают. Насколько я знаю, все созвездия описаны ещё в стародавние времена. Это просто участки на небе, содержащие группу звёзд, которые напоминали людям древности привычные фигуры — как правило, животных или мифических персонажей. Зачастую звёзды, входящие в состав одного созвездия, располагаются на гигантских расстояниях друг от друга — даже по космическим меркам. Думай, думай, Кирилл! Думай, ты же умный парень!» — вдруг вспомнил он слова, которые сказала ему как-то его подруга Алиса. Интересно, как у неё дела?

«Алиса! — вспомнил он неожиданно. — Я же обещал её позвать, как только попаду в очередное приключение — она же так их обожает! А тут, кажется, что-то наклёвывается —

эта загадочная фраза про созвездие здесь и правда не случайно. Да и старик не просто так заинтересовался моими часами. Нужно позвонить Алисе! Вечером так и сделаю, но сейчас нужно сосредоточиться. Думай!»

Он просидел так ещё несколько минут, потом приоткрыл один глаз: Вероника, подперев голову рукой, лениво разглядывала часы, а Олег откинулся на спинку, прикрыв веки и наморщив лоб. «Не иначе как мне подражает, — подумал Кирилл и не смог сдержать лёгкую улыбку. — Ладно, не отвлекаться! — Он снова закрыл глаза и погрузился в мир собственных мыслей. — А если "созвездие" — это не созвездие, а "Созвездие" — имя собственное? Надпись сделана заглавными буквами — возможно, в подражание старой латыни, в которой, как известно, строчные появились только в V—VIII веках. Так что определить, нарицательное это имя или собственное, невозможно. Но почему бы и нет? "Созвездие" — неплохое название для... чего? Для корабля? Фирмы? Ювелирного изделия? Вариантов множество, но привязаться опять не к чему. Хотя погоди! Если "Созвездие" — это не группа звёзд, а вполне осязаемый предмет или, например, организация, то у него вполне может быть год создания!»

Он снова открыл глаза. Напечатав в поисковой строке запрос «созвездие 1917», Кирилл нажал кнопку «Найти», и через секунду его мир перевернулся.

Глава 8

Москва, 1922 год

Весь следующий день Володин провёл как на иголках. Ему предстояла такая операция, в каких он ещё не участвовал. На фронте и даже в разведке всё было понятно — вот враг, и его нужно либо убить, либо вызнать информацию. Сейчас задача схожая, вот только его враг не был ни военным, ни контрреволюционером, ни провокатором, да и служил сейчас советской власти.

Последние несколько вечеров Володин потратил на слежку за объектом: тот придерживался чёткого, выверенного до минут распорядка дня. По окончании рабочего дня он выходил из ворот Боровицкой башни Кремля — ближайших к Оружейной палате, где и работала оценочная комиссия. Задачей этой комиссии являлись разбор и оценка содержимого сундуков, вывезенных из Зимнего дворца Петрограда. Здесь речь шла не о ценностях рядовых аристократов и мелких буржуев, а о сокровищах самого дома Романовых, включая бывшего государя-императора и великих князей — главных тиранов прошлого. Понятно, что к этому делу привлекли лучших из лучших.

Выйдя из Боровицких ворот, ювелир через Александровский сад, а затем через площадь Революции и площадь Свердлова направлялся к Неглинному проезду, где каждый

вечер посещал один и тот же ресторан. Там для скучающих по старому режиму (ресторан так и назывался — «Старый») устраивали музыкальные вечера, театральные постановки и прочую клоунаду, без которых буржуй себе жизни не представляет — введённая год назад Новая экономическая политика породила множество подобных заведений. Сам Володин НЭП не одобрял, но смиренно принимал любое решение партийного руководства.

В ресторане ювелир просиживал до глубокой ночи и только потом направлялся к себе в «Метрополь». Именно сюда Глеб должен попасть после их знакомства, которое завяжется сегодня в тёмном Александровском саду, подальше от любопытных глаз.

Дождавшись нужного часа, Глеб накинул купленное накануне пальтишко, тщательно причесался, ещё раз отрепетировал перед зеркалом подходящее выражение лица и направился к Кремлёвскому проезду. Он пришёл на место немного загодя, огляделся и стал ходить взад-вперёд перед воротами Александровского сада.

Здесь всё и случится. Через десять минут объект подойдёт к воротам сада. Глеб выдвинется к нему навстречу, споткнётся — он сам положил подходящий булыжник прямо на проходе — и налетит на ничего не подозревающего ювелира. Конечно, Володин тут же нацепит на лицо виноватое выражение и примется что есть мочи извиняться. Возможно, у него даже вырвется слово «господин», или «ваше благоуро-

дие», или ещё что-нибудь такое, что позволит легче сойти за своего. Ну а дальше всё будет зависеть от его актёрских способностей.

План был прост: познакомиться, разговориться, вывести разговор на общие интересы. Договориться о следующей встрече. Показать найденное в архиве ГПУ. Завести дружеские или хотя бы приятельские отношения. А потом... выудить из ювелира все интересующие сведения. Да, это не быстро, но ничего лучше Володин придумать не смог.

Он снова и снова прогонял в воображении все детали плана, пока наконец не понял, что ювелир так и не появился. Глеб подождал ещё несколько минут и потом начал по-настоящему нервничать.

«Всё должно было случиться сегодня! Мне надо найти сокровища как можно скорее, я не могу ждать! Что могло случиться? Задержался на работе? Или, наоборот, вышел раньше? Такого ни разу не случалось. Нужно как-то проверить...»

Володин вошёл в ворота и медленно двинулся через погружённый в сумерки сад, озираясь по сторонам. Ветви лысых деревьев, похожих на когтистые лапы, покачивались на лёгком ветру. Пока ещё различимые на фоне стремительно темнеющего неба, скоро они сольются с ночной мглой и превратятся в сплошную чёрную массу. Сад казался безжизненным: единственными звуками были шаги самого Глеба по лужам.

Внезапно тишину нарушили голоса. В них слышались молодость и дерзость. Володин не мог разобрать слов, но они иногда прерывались звонким детским смехом, но не весёлым и радостным, каким он должен быть, а озлобленным, издевающимся, высокомерным. Точно так же смеялись часовые на Лубянке, которых он слышал накануне.

Глеб прислушался и быстрым шагом направился в нужном направлении. Спустя полминуты он вышел к знаменитым «Руинам» — искусственному гроту, построенному как напоминание о московском пожаре 1812 года. Поговаривали, что при строительстве памятника использовали настоящие обломки разрушенных французами зданий, что и дало ему название.

Площадка перед гротом была густо усыпана песком. В центре неё даже располагалась просторная деревянная песочница, в которой днём очень любили играть дети — Глеб часто видел их, когда проходил мимо. Сейчас, в вечерних сумерках, он тоже увидел рядом с песочницей силуэты нескольких детей. Но играли они совсем не в детские игры.

Восемь мальчишек — явных беспризорников — плотным кольцом обступили мужчину интеллигентного вида. Это и был объект Володина.

Одетый в приличное пальто, он стоял посреди толпы оборванцев и явно не знал, что делать. Они кружили, как стая ворон над павшей скотиной. И лишь один, самый рослый, стоял, высоко подняв голову и засунув руки в карманы по-

трёпанной куртки. На голове красовался картуз, из-под которого торчали нестриженные патлы.

— Дядь, давай портфель, — потребовал он.

Ювелир промолчал, растерянно глядя по сторонам. Володина, всё ещё скрытого мраком, он не заметил.

— Дядя-я, — протянул вожак шайки. — По-хорошему прошу. Пока ещё по-хорошему.

Мужчина ещё крепче сжал портфель. Он попытался попытаться назад, но наткнулся на стоящего там мальчишку. Тот изо всех сил толкнул его, и ювелир, пусть и был гораздо тяжелее щуплого оборванца, полетел сквозь толпу, пока не столкнулся с другим беспризорником, который тоже его оттолкнул.

«План летит ко всем чертям, — подумал Володин. — Но так даже лучше». Он понял, что пора действовать.

— А ну, шакалята, брысь отсюда! — рывкнул он, выходя из тени.

— О-па! — Лохматый в картузе растянул рот в хищной улыбке. — Ещё один лопух! Этот борзый какой-то. Братва, гаси его!

Стая мальчишек подлетела к Володину и накинута на него, словно крысы. Из карманов мгновенно появились камни и свинчатки. От неожиданности Глеб на секунду замешкался и тут же получил пинок в колено, благо, несильный — его нанёс один из самых младших беспризорников.

— Стоять! — попробовал крикнуть Володин, но его голос

утонул в звоне детского гомона. — Я сотрудник...

В лицо ему прилетел камень. Он почувствовал, как из губы тут же хлынула кровь.

Удары сыпались на него со всех сторон. Больше всего доставалось почкам — били в основном сзади, потому что спереди Глеб пытался отмахиваться одной рукой, другой прикрывая самое уязвимое место — пах. Он прекрасно знал, что в таких драках никто не будет думать о правилах. Цель здесь только одна — победить. Средства не имели значения, особенно, когда противник больше и сильнее.

Что делал в это время ювелир, Володин не знал — сейчас он мог думать только о себе. Причём, не о том, чтобы победить, а о том, чтобы выжить. Оторванный рукав пальто повис на локте, разбитая губа сочилась кровью, руки покрылись ссадинами. В голову прилетел ещё один камень, отчего у Глеба на мгновение потемнело в глазах.

— Да отвалите вы! — крикнул он, схватил первого попавшегося под руку мальчишку за воротник и с силой отшвырнул его в сторону.

— Маленьких бьют! — раздался чей-то крик. Голос был настолько тонким, что кричал явно кто-то из самых младших оборванцев. — Ах ты, дылда!

Глеб почувствовал удар под колено, и его нога подкосилась. «Знают, куда бить, гадёныши, — промелькнуло в голове. — Я бы ударил так же». Он опустился на одно колено, почувствовав, как оно погружается в липкий мокрый песок.

Кто-то с силой ударил его сапогом по рёбрам, и он рухнул. Отполз в сторону, с трудом встал на четвереньки и поднял голову. Увидел, что перед ним стоит главарь шайки и, злобно ухмыляясь, заносит ногу для удара.

Через мгновение в голове зазвенело так, что Глеб лишился последних сил и растянулся на земле. Звуки стихли. Нет, не из-за обморока — он ещё не наступил. Просто мальчишки разом замолчали, ожидая, как поступит их вожак.

Тот не спеша подошёл к Глебу, опустился на корточки и достал из кармана перочинный ножик.

— Будешь знать, как маленьких обижать, сволочь, — процедил он.

Через секунду крохотный клинок вонзился под рёбра Глебу, и всё погрузилось в черноту.

* * *

Володин не знал, сколько прошло времени. В голове звенело. Рёбра, поясница, ноги, руки — всё ныло так, что ему захотелось погрузиться в ледяную воду, лишь бы перестать чувствовать своё тело.

Он повернул голову набок и сплюнул кровь. Разлепил веки и увидел над собой лицо ювелира. Вид тот имел взволнованный и виноватый.

— Слава Богу, вы живы! — с облегчением выдохнул он. — Я бы себя не простил, если бы вы погибли. Вы же из-за меня...

Глеб не дослушал. Огляделся: он лежал на том же месте.

— Где нож? — нетерпеливо спросил Володин. — Вытащили?

— Нет, я слышал, что вытаскивать нельзя.

— Правильно слышали. Помогите мне встать.

— Встать! — ахнул ювелир. — Вы что, нельзя...

— Всё в порядке, — стиснув зубы, проговорил Володин и попытался подняться. — В этом ножике лезвие — вершка полтора, у меня пальто толще. Да и ударил он не слишком умеючи, — сказал он, и тут же мысленно упрекнул себя за просторечное словечко. — Я погляжу, ваш портфель всё ещё при вас.

— Они убежали, как только... как только...

— Я понял, — с лёгкой печальной улыбкой произнёс Глеб.

Он встал и прислушался к собственному телу. Больно. Болело всё, но это ничего. Боль пройдёт. Нож в боку его не слишком беспокоил — скорее всего, клинок даже в тело толком не вошёл. Он жив — это главное. Да, его сильно избили, но всё могло быть гораздо хуже. В целом, Глеб понимал, что дойдёт до дома и сам, но так он не решит свою задачу. Поэтому он постоял немного, пошатываясь и стараясь придать лицу страдальческое выражение, а потом начал заваливаться вбок, позволив ювелиру себя подхватить, после чего зычно застонал.

— Вам нужен доктор! — пропыхтел ювелир. Ему было тяжело — Глеб позволил ему взять на себя чуть ли не весь

вес своего тела.

— Не нужен мне доктор, — проскрипел Володин. — Проводите меня домой. В соседней комнате живёт медичка, она позаботится.

— Вы далеко живёте?

— В Замоскворечье. — Глеб скривился от мнимой боли. — Боюсь, я не дойду — понадобится извозчик.

— Я... — Ювелир стал растерянно озираться по сторонам. — Давайте попробуем добраться до улицы, а там я найду пролётку.

Они двинулись к ближайшим воротам. Шли медленно — настолько, что Глеба подмывало оттолкнуть ювелира и пойти самостоятельно. Но он должен был дать тому возможность выразить благодарность человеку, спасшему его от ограбления. Поэтому продолжал ковылять, повиснув на плече у своего поводыря и время от времени постанывая.

Когда они почти дошли до улицы, где можно было найти извозчика, ювелир обратился к своему спасителю:

— Я очень вам благодарен. Вы спасли меня, но я не спросил вашего имени.

«Вот и всё, — внутренне ликуя, подумал Глеб. — Теперь птичка точно в клетке. Всё вышло даже лучше, чем я ожидал».

— Глеб. Володин.

— Агафон, — представился его спутник. — Агафон Фаберже.

Глава 9

Москва, 2022 год

— Яйцо Фаберже? — В голосе Олега отчётливо слышался скепсис. — Ты шутишь?

Вообще, Кирилл не планировал делиться с Олегом только что сделанным открытием. Но ведь он нашёл информацию про «Созвездие» именно с его телефона — Олег в любом случае всё узнает, достаточно просто посмотреть историю поисковых запросов. Поэтому пришлось посвятить его — пусть до поры до времени будет думать, что они в одной лодке. До поры до времени...

— Сам посмотри, — ответил Кирилл и начал читать с экрана телефона. — «"Созвездие" или "Синее созвездие Цесаревича" — незаконченное ювелирное яйцо, *последнее*, — он выделил интонацией это слово, — из пятидесяти двух императорских пасхальных яиц, изготовленных фирмой Карла Фаберже для русской императорской семьи». «Последнее Созвездие», смекаешь? И оно было заказано как раз к Пасхе 1917 года!

Олег слушал молча, но его широко раскрытые глаза выдавали волнение и предвкушение приключения.

— «В ювелирное пасхальное яйцо "Созвездие", — продолжил Кирилл, — согласно первоначальному замыслу, должны были быть встроены часы, однако часовой механизм

был утрачен».

— Обалдеть! — воскликнул Олег. — То-то Вероника обрадуется! Она же вон как любит исследовать историю часов, а тут такое...

— Вот как раз Веронике мы ничего и не скажем.

— Почему? — удивился Олег. — Она же с нами.

— Она *нес* нами. Я ей не доверяю, она слишком подозрительно себя ведёт.

— Тоже заметил, да?

— Трудно не заметить, — усмехнулся Кирилл и тут же задумался. — А почему «тоже»?

— Потому что у меня тоже глаза есть, — наклонившись к Кириллу, вполголоса заметил Олег. — Знаешь, почему я с вами на перекур не пошёл, хоть и собирался? Да потому что она на меня так злобно зыркнула, что я понял, что буду лишним — хотела с тобой наедине остаться.

— Ну не знаю, — протянул Кирилл. — Может, я ей просто понравился. Видел, что там было?

Олег посмотрел на него укоряющим взглядом, каким учитель смотрит на нерадивого ученика, и осуждающе поцокал языком.

— Будь аккуратнее, Кир. Не доверяю я женщинам, которые сами на мужика вешаются. И тебе не советую доверять.

Кирилл нахмурился и решил перевести тему.

— Короче, — тихо сказал он, — когда она вернётся из туалета, то не должна ничего узнать. Притворимся, что так

ничего и не нашли. Сможешь не светиться от радости?

— Ха, ещё бы! Я прирождённый актёр!

— Но нам придётся делать вид, что она с нами, чтобы она ничего не заподозрила. По крайней мере, пока не придумаем, как избавиться от неё. Ты со мной?

— Я дал обещание, мистер Фродо. И я не оставлю тебя!

— О боже...

Вскоре вернулась Вероника.

— Ну, как успехи? Нашли что-нибудь ценное?

— Ценное? — насторожился Кирилл. — Ты о чём?

Если Вероника и смутилась, то на какое-то мгновение.

— Об информации, конечно. Мы же должны раскрыть тайну этих часов? Кто был их владельцем? Что такое «последнее созвездие»? Что означают инициалы «А.Ф.»? Вот на эти вопросы нам предстоит ответить.

— Согласен. — Кирилл хлопнул ладонями по столу. — Со сбора информации и начнём.

— Я с вами? — неуверенно спросила Вероника. — Я ведь обещала починить часы, но не починила.

«Эх, надо было сбежать по-тихому, пока её не было — как бы она тогда нас нашла? — подумал Кирилл. — Но она же и правда может починить часы... бесплатно».

— С нами, — уверенно ответил он. — Я обещал — и сдержу слово. Ты своё обещание выполнишь, когда разгадаем тайну часов. А Олег, кстати, обещал оплатить счёт.

— Эх! — картинно вздохнул Олег. — Язык мой — враг

мой.

Они стали собираться. Вероника попробовала уговорить Кирилла отдать часы ей — на время, конечно — но тот был непреклонен.

— Часы я возьму с собой. Правда, придётся постараться ничего не потерять — ты вон сколько деталей из них выкрутила!

— Это мелочи, сейчас верну на место. Тут дел на две минуты.

Вероника взяла пинцет и стала аккуратно устанавливать колесо баланса на место. Пока она возилась, Кирилл от нечего делать взял мост — деталь, на которую крепился баланс. Поднёс его поближе к глазам и стал внимательно разглядывать шкалу и стрелку-градусник. Тут его взгляд упал на Олега, который сидел напротив и корчил странные гримасы, приправляя их не менее странным жестом пальцев. Кирилл смог истолковать эти ужимки разве что как «переверни».

Он перевернул деталь и опешил: на обратной стороне, которая обычно располагалась снизу, возле самого колеса, он увидел крошечную надпись — всего семнадцать букв, выстроенных в три ряда. Едва успев прочитать её, он увидел прямо перед собой протянутую ладонь Вероники.

— Кирилл! — услышал он её голос, не отрывая глаз от детали. — Мост.

Он вышел из ступора и вложил крохотный кусочек металла в руку Веронике. Кирилл не был уверен, заметила ли

она его странное состояние, но постарался сделать так, чтобы надпись она не увидела.

И тут каким-то непостижимым образом деталь выпала из её раскрытой ладони. Кирилл нырнул под стол, стараясь опередить Веронику, но та оказалась быстрее. Демонстрируя невероятную ловкость, она согнулась, скользнула под столешницу и поймала мост чуть ли не на лету. А может, и впрямь на лету — этого Кирилл не видел.

— Осторожнее, Кирилл. — Она поднялась и одарила его лучезарной улыбкой. — Такую деталь может быть непросто найти, если потеряешь.

Она быстро собрала часы, и компания вышла из кофейни. Вечер окутал улицу первыми сумерками и прохладой. Вероника, застегнув до самого верха свою необъятную куртку, спросила:

— Ну? Куда мы теперь?

— Мы — никуда, — серьёзно заявил Кирилл. — Нам с Олегом завтра на учёбу, после неё и продолжим. А ты пока можешь поискать информацию по своим... — он задумался, — часовым каналам.

Вероника издала полный тоски вздох и ответила:

— Как скажешь. Жалко, конечно, что приходится расставаться. Завтра жду от тебя звонка! Олег, дашь мне свой телефон на минутку? Мой разрядился. Мне надо дедушке позвонить, а то он, наверное, волнуется. Я редко так надолго пропадаю.

— Как всем сегодня нужен мой телефон, — с улыбкой ответил Олег, протягивая его Веронике.

Парни проводили её взглядом: она отошла от них на несколько метров, остановилась и начала что-то набирать в телефоне.

— Как думаешь, — спросил Кирилл Олега, не отрывая глаз от Вероники, — это не может быть трюком? Что помешает ей зайти в поисковик и увидеть, что я искал и что нашёл?

— Помешает моя обычная предосторожность, — с улыбкой успокоил его Олег. — Во всех моих браузерах по умолчанию включён приватный режим — никакие посещённые страницы не сохраняются. Отличное средство от паранойи. Рекомендую тебе делать так же — кажется, у тебя появились её первые признаки.

* * *

— Ну, что там было, на этой железяке? — нетерпеливо спросил Олег, когда они с Кириллом наконец-то остались вдвоём. — Ещё одно таинственное послание?

Кирилл задумался. Он не хотел рассказывать приятелю о находке, но придумать более или менее правдоподобную ложь не успел. Поэтому, чтобы не вызвать подозрений, он решил сказать правду — всё равно надпись была настолько бессмысленной, что Олег вряд ли понял бы её значение раньше него.

— «Забрал ли всё мясной», — с интонацией совершенно-

го непонимания ответил Кирилл.

— Чего? — Глаза Олега округлились.

— «Забрал ли всё мясной», — повторил Кирилл. — Слушай, я и сам не понимаю. У меня было полсекунды, а там ещё и надпись такая мелкая — ты эту «железяку» видел? Но я почти уверен, что прочитал правильно.

— «Забрал ли всё мясной», — медленно, по слогам проговорил Олег. — Что, прям так и написано?

— Да. В три строчки, мелким шрифтом, заглавными буквами: «ЗАБРАЛ», «ЛИ ВСЁ», «МЯСНОЙ».

— Чушь какая-то. Возможно, ты всё же где-то ошибся.

— Возможно, — нехотя согласился Кирилл. — Читать я, конечно, пока не разучился, но слишком уж бессмысленна эта фраза.

— Ладно, это я беру на себя — как я и говорил...

— ...у тебя способности ко всяким головоломкам. Помню.

— Вот именно. Ты мне лучше скажи, что с Вероникой делать. Она же от нас не отцепится.

— Да. И я пока не знаю, как нам быть.

Кирилл думал над этим вопросом с тех самых пор, как нашёл информацию о яйце Фаберже. С одной стороны, без Вероники он бы не смог разобрать часы и прочитать фразу на обратной стороне моста баланса. Кто знает, может, в часах скрыты ещё какие-нибудь подсказки, и механизм придётся разобрать до винтиков? Без Вероники сделать это бу-

дет сложно. Неужели придётся всё же допустить её к участию в поисках? Но с другой стороны, Кирилл беспокоил её дед. Он явно сразу увидел надпись на корпусе и догадался, что речь идёт о яйце Фаберже. Естественно, он захотел найти яйцо, выкупив часы за бесценок — по сравнению со стоимостью яйца, конечно же. Этого Кирилл допустить не мог. Слишком уж хорошо он помнил события прошлого ноября — скольких людей свела с ума и толкнула на преступления рукопись «Мёртвых душ»! А ведь это всего лишь книга! Теперь же речь идёт о настоящем сокровище.

Кирилл почти ничего не знал о пасхальных яйцах Фаберже. Что-то слышал краем уха, что-то где-то читал, что-то видел в фильме или в двух, но не более. И именно с этого нужно было начать — с понимания того, что вообще они ищут.

— Как у тебя с поиском в интернете? — спросил он Олега.

— О, в этом я настоящий ас! — гордо подняв голову, заявил тот.

— Ну ещё бы, как и во всём остальном. А серьёзно?

— Я серьёзен, как никогда. Ты знаешь, насколько сложно сейчас найти пиратский фильм в интернете? Спасибо стараниям правообладателей или кого-то там. А я могу найти любой!

— Хорошо. Дуй в общагу и ищи всё, что сможешь, про Фаберже и его яйца, особенно про это последнее.

— А почему бы нам не пойти к тому ювелиру, про которого нам рассказал часовщик?

Кирилл посмотрел на Олега таким красноречивым взглядом, что слова, казалось, и не требовались.

— Потому что нам про него рассказал часовщик, Олег. Если они партнёры или даже друзья, мы не должны ставить ювелира в известность. В прошлый раз я и так слишком многим людям рассказал о рукописи — меня голос разума потом заел. Всё было бы совершенно по-другому, если бы я держал рот на замке. — Он задумался. — Сейчас о яйце знаем только мы с тобой, Варфоломеев и, скорее всего, Вероника, что, в общем-то, одно и то же. Больше я никого не хочу привлекать. Разве что Алису.

— Алису? — возмутился Олег. — Это с чего бы? Она к этому не имеет отношения, это наше с тобой дело! Зачем она нужна?

— Затем, что я ей обещал, — сквозь зубы выдавил Кирилл. — И собираюсь сегодня же всё рассказать. Она не только историк, но ещё и Москву знает лучше нас с тобой вместе взятых — она может помочь.

— Делай что хочешь. — Олег махнул рукой. — Ты у нас Дэнни Оушен, а я всего лишь скромный герой Брэда Питта, которому предстоит сделать основную работу. Я просто надеюсь, что количество «друзей» у нас не дойдёт до одиннадцати. Ладно, я в общагу, буду рыть интернет. А ты чем займёшься?

— А я займусь тем же, но в более привычном для себя месте — в библиотеке.

Глава 10

Москва, 1922 год

Володин, всё ещё висевший на плече у ювелира, распахнул дверь своей комнаты в коммунальной квартире.

— Туда, на кровать! — сжав губы, прохрипел он. — Зажгите керосинку и подвиньте стол к кровати.

Агафон провёл его через комнату и аккуратно уложил на постель, после чего с облегчением выдохнул. Окинув взглядом комнату, он взял с комода закопчённую керосиновую лампу, зажгёт её и поставил на стол, после чего подвинул стол к кровати.

— Где же ваша... медичка? Давайте я её позову.

— Она уже спит, не будем будить. Лучше водки дайте. Там, в шкафу. — Он указал на некогда добротный, а ныне облезший сервант с облупившимся лаком, оставшийся, видимо, от прежних хозяев. — И стакан. Два стакана.

Агафон открыл шкаф и увидел в нём две бутылки водки, одна из которых была початой, половину буханки серого хлеба, шмат сала, две луковицы и кулёк с какой-то крупой. На другой полке находились одинокая фарфоровая тарелка, чашка, два гранёных стакана, две ложки — столовая и чайная — и кухонный нож. Ювелир взглянул на скромное содержимое шкафа, вздохнул и взял початую бутылку и стаканы — один из них был мутным, в каком-то налёте, намертво

въевшемся, казалось, в само стекло.

— Вы живёте один? — участливо спросил Агафон. — Есть кому о вас позаботиться?

— Найдётся, — ответил Володин. Он попытался сыграть лёгкость, с какой человек, сильно страдающий, но отчаянно делающий вид, что всё в порядке, старается успокоить собеседника. На самом же деле Глеб чувствовал себя неплохо — разумеется, для той передряги, которую пережил. По пути из Александровского сада домой он убедился, что рана не опасна — повреждённое лицо и отбитые почки беспокоили его больше, чем крошечный ножик, до сих пор торчащий в боку. — Давайте водку.

Он откупорил бутылку, собрался с духом и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Поморщился, после чего посмотрел с мольбой на Агафона.

— Нож сможете вытащить? У меня, боюсь, не получится. Ювелир сглотнул и молча кивнул.

— Как вытащите, откиньте полу пальто, — распорядился Глеб, расстегивая пуговицы. — Я буду вам очень признателен.

Фаберже снова кивнул и устоял на торчащую из тела Володина рукоять. Тот кинул на ювелира оценивающий взгляд: «Надо же, даже руки не дрожат».

— На счёт три, — сказал Глеб, делая очередной глоток. — Один...

Но ювелир, не дождавшись нужного счёта, мягко вытянул

клинок из раны. Володин поморщился — больше от неожиданности, чем от боли — и на всякий случай застонал. Затем задрал сорочку и плеснул на рану водку. Его стон перешёл в рык, а зубы он сжал так, что услышал их скрип.

— У вас... твёрдая рука, — заметил он, отдышавшись.

— Я ювелир... — потупил взгляд Фаберже. — Это профессиональное.

— Погодите, ювелир Фаберже? — наигранно удивился молодой чекист. — Вы не из знаменитой династии?

— Из неё. Я сын Карла Фаберже, если вы о нём слышали.

— Слышал ли я?! — воскликнул Володин, попытался вскочить, но тут же рухнул на кровать с гримасой боли. Начинался второй акт его спектакля. — Да я восхищаюсь им! Бегал, бывало, ещё мальчишкой по Кузнецкому мосту, в витрины заглядывал. Хотел и сам создавать такие прекрасные творения, мечтал стать ювелиром. Даже в художественное училище поступил, но... революция, сами понимаете.

— Прекрасно понимаю, — кивнул Фаберже и опустил глаза.

— Теперь вместо драгоценных камней точу болванки на заводе. Токарь я. — Володин вздохнул и по-детски шмыгнул носом, чтобы ещё больше разжалобить ювелира. — Может, выпьем? Мне не мешает, да и вам, пожалуй... Принесите из шкафа сало, хлеб и что там ещё есть.

Ювелир ненадолго задумался, но противиться не стал. Достал из серванта его скудное содержимое, разложил на сто-

ле. Долго смотрел на своё пальто, но решил не снимать — в комнате было холодно.

Володин, кряхтя, поднялся на локте, сел на кровать. Накромсал хлеб и сало, почистил две луковицы, разрезал каждую на четыре части. Всё это он делал, украдкой поглядывая на ювелира — от внимательного взгляда не укрылось, как тот тушевался. Отчего? От того, что впервые оказался в такой скромной обстановке? Не привык пить водку под сало с чёрствым хлебом? Или не доверяет? Нет, проколоться Глеб не мог — просто не успел бы. Всё идёт по плану, переживать не о чем.

Закончив приготовления, Володин налил по полстакана и протянул один ювелиру.

— За знакомство?

Глава 11

Москва, 2022 год

Проводив Олега до метро, Кирилл прошёл по Бульварному кольцу ещё немного, затем свернул в переулок и оказался в просторном дворе перед старинным бело-голубым зданием.

«Библиотека-читальня имени Тургенева, — подумал Кирилл. — Первая общедоступная бесплатная библиотека Москвы. Жаль, конечно, что сейчас она расположена не в том здании, которое для неё специально построили в XIX веке — оно не сохранилось. Хотя что значит "не сохранилось"? Не сохранилось — это если оказалось разрушено временем, войной или другим катаклизмом. А его просто снесли в проклятые советские годы... Спасибо хоть библиотеку переместили в здание старинной усадьбы, а не в какое-нибудь бетонное убожество».

Он выбрал именно эту библиотеку, потому что, во-первых, всегда хотел в ней побывать, а во-вторых, она располагалась в двух шагах от Чистых прудов — как упустить такой шанс? Посетить такую примечательную библиотеку, расположенную в старинном, пусть и не оригинальном, здании, да ещё и во время поиска сокровища — что может быть интереснее? До закрытия оставалась ещё пара часов, поэтому Кирилл решил хотя бы до этого момента провести время в

читальном зале. Потом, если будет необходимость, он сможет взять нужные книги с собой, но пока есть возможность, стоит задержаться здесь.

Кириллу нравилось читать книги в библиотеках. Была в них какая-то особая атмосфера, располагающая к чтению. Это не общежитие, где тебе постоянно мешают, где днём и ночью шумно, где всегда полно людей и даже твоя собственная комната похожа на проходной двор — это естественно, когда твой сосед — такой популярный среди студентов человек, как Олег.

В библиотеке, в этом царстве умиротворения и тишины, нарушаемой лишь шелестом страниц, Кирилл чувствовал себя как рыба в воде. Конечно, в основном он посещал университетскую библиотеку, но и в тех, что расположены в центре столицы, иногда бывал — не так часто, как хотелось бы, но зато с гораздо большим удовольствием.

Читальный зал Тургеневки удивил Кирилла своим скромным убранством. Простые деревянные столы квадратной формы, которым, казалось, больше подходило место на кухне какой-нибудь старой хрущёвки, стояли ровными рядами в небольшом помещении. Три стены были покрашены в спокойный серо-зелёный цвет, паркетный пол устилал ковёр такого же цвета. Судя по всему, четвёртая стена — белёная, с окнами, коваными решётками и декоративными элементами — была внешней стеной здания до того, как к нему пристроили новое помещение. Вдоль внешних стен тоже стояли

столы, разделённые книжными шкафами. Такие же столы и такие же шкафы располагались на втором этаже, куда вела чудесная деревянная винтовая лестница.

Постояв пару минут и полюбовавшись скромным, но в чём-то даже элегантным интерьером, Кирилл подошёл к стойке библиотекаря.

Им оказался мужчина лет шестидесяти с густыми седыми волосами и аккуратной бородкой. Тщательно отутюженная рубашка, строгая жилетка и галстук дополняли образ пожилого, но не забывшего о своём достоинстве интеллигента. Кирилл прочитал на бейдже: «Качалов Анатолий Петрович».

Библиотекарь улыбнулся посетителю:

— Добрый вечер, молодой человек.

— Здравствуйте, эм-м... — Кирилл подумал, что нужно ответить с той же вежливостью, — Анатолий Петрович. Мне нужны книги о Фаберже.

— Замечательно! Интересуетесь ювелирным искусством?

— Нет, совсем нет. Мне просто... — Кирилл на секунду задумался и сказал первое, что пришло в голову, — задали доклад. По истории.

— Так вы будущий историк?

— В некотором роде. У вас есть что-нибудь?

— Что-то должно быть. Подождите несколько минут.

Анатолий Петрович удалился в дверь за стойкой. В библиотеке в столь поздний час никого не было, поэтому Ки-

рилл решил побродить по читальному залу, не рискуя никому помешать.

Он ещё раз оглядел помещение и разочарованно вздохнул: от исторической библиотеки он ожидал большего. Воронин знал, что где-то здесь есть и другие залы, куда как красивее: отделанные разными породами дерева, с колоннами, вычурными люстрами и резными карнизами. А здесь... сплошная утилитарность и никакого изящества.

Подойдя к одному из книжных шкафов, Кирилл увидел одни лишь современные произведения — ничего такого, что могло бы заинтересовать студента-филолога, помешанного на старинных книгах. А ведь в библиотеке есть и зал редкостей! Прижизненные издания писателей Золотого Века, подписанные экземпляры, дореволюционные тома — где это всё? Нужно будет узнать у библиотекаря — на будущее.

С тех пор, как из-за прошлогодних событий Кирилл прекратил общение с Всеволодом Андреевичем Покровским, владельцем букинистического салона, он потерял доступ к десяткам старинных и даже древних книг. Сам-то букинист наверняка не возражал бы, если бы бывший подопечный снова заглянул к нему в салон, как в старые времена, но сам Кирилл категорически отвергал такую возможность — он из принципа не хотел видаться с Покровским, потому что это означало бы прощение. А прощать его Воронин не собирался.

Но как же ему хотелось вновь почувствовать те эмоции,

которые накатывали на него каждый раз, когда он прикасался к старинному тому! Этот священный трепет от того, что книга — всего лишь бумага, если задуматься, так легко повреждаемая чем угодно: от воды и огня до мышей и насекомых, не говоря уже о людях — пережила века и попала в руки к нему, Кириллу Воронину, простому студенту!

Он пробовал посещать книжные развалы, но там не было и не могло быть по-настоящему старинных и ценных экземпляров. Он заходил в букинистические магазины — кроме «Мельпомены», салона Покровского, разумеется — но там книги категорически запрещалось трогать. В конце концов, он пробовал брать редкие издания в обычных библиотеках, но это было настолько сложно, учитывая количество необходимых справок и разрешений, что в какой-то момент Кирилл просто плюнул на все попытки и ждал случайной возможности поработать или хотя бы бегло почитать что-нибудь старинное.

Когда Анатолий Петрович вернулся в читальный зал, Кирилл неожиданно для себя осознал, что находится на втором этаже — он поднялся сюда совершенно неосознанно, погрузившись в тягостные раздумья.

— Спускайтесь, Кирилл! — окликнул его библиотекарь.
— Вот ваши книги.

Кирилл слетел вниз по скрипучей лестнице и подошёл к Анатолию Петровичу.

— Как-то негусто, — прокомментировал он лежащую на

стойке небольшую стопку книг. — Неужели это всё?

— Я сам удивлён! — воскликнул библиотекарь. — Такая выдающаяся фамилия, одна из известнейших в Российской империи, а так мало про них пишут. К слову, и читают тоже — вы первый человек за долгое время, кто интересуется историей Фаберже.

«Причём исключительно из-за стечения обстоятельств», — усмехнулся про себя Кирилл, но ответил по-другому:

— Да мне для доклада. — Он махнул рукой. — Сам-то я в этом не разбираюсь.

— И что, теперь по истории проходят ювелирное дело? — с лукавой улыбкой спросил библиотекарь. — Или биографии знаменитых ювелиров?

«Вот пристал-то! — с раздражением подумал Кирилл. — Долго он будет меня мучить? Библиотека скоро закроется!»

— Это по другой истории доклад, — не растерялся он, попытавшись придать своему голосу как можно более легкомысленный тон. — По истории экономических учений. Как пример успешной компании, превратившейся в ювелирную империю.

— А-а-а, — обрадованно протянул библиотекарь. — То есть вы экономист?

— Да, — отрезал Кирилл в надежде избежать дальнейших расспросов. — Я могу идти?

— Конечно! Вы с собой забираете или здесь читаете? Учтите, библиотека скоро закрывается.

— Пока здесь посижу, оформляйте. Вот читательский билет.

Пока Анатолий Петрович заполнял карточки книг, Кирилл всё силился понять, чем же его так раздражает этот приятный на первый взгляд человек, а заодно придумать, как поступить дальше. «Этот тип точно не даст мне спокойно поработать. С другой стороны, если я возьму книги с собой, потом придётся возвращаться и снова иметь с ним дело. Тогда-то расспросов точно не избежать. Что же делать? Успею я до закрытия найти всю необходимую информацию? Книжки вроде немаленькие, а у меня осталось меньше полутора часов. Успею!»

Получив долгожданные книги, он мухой взлетел на второй этаж и сел за стол в самом дальнем от приставучего библиотекаря углу.

Время стремительно утекало, и от этого Кириллу было трудно сосредоточиться. Благо, он умел работать с книгами и легко находил даже в толстых томах интересующие его данные. Это было что-то на уровне интуиции — стоило ему взглянуть на оглавление, он уже знал, в каком разделе находится то, что он ищет. Эта способность позволяла ему в короткие сроки обрабатывать большие объёмы информации. Впрочем, Кирилл не был уверен, что он в этом плане уникален, и допускал, что точно также может работать с источниками любой мало-мальски начитанный человек.

Среди полученных им книг две представляли собой мему-

ары. Нет, не самих представителей династии Фаберже, но высокопоставленных сотрудников ювелирной фирмы. Остальные книги были исследовательскими работами, биографиями и альбомами с фотографиями работ фирмы «Фаберже», включая, конечно же, знаменитые пасхальные яйца.

«Надо же, — заметил Кирилл, — кто-то всё-таки интересуется историей этой семьи и фирмы. Книг пусть и не много, но они написаны весьма грамотно — чувствуется, что проделана огромная исследовательская работа. Интересно, что за энтузиасты написали всё это?»

Он поочерёдно взглянул на обложки всех книг и понял, что это были не энтузиасты, а энтузиаст — у всех книг, кроме мемуаров, был один автор.

Адам Давидович Гольдшмид.

Глава 12

Москва, 1922 год

Агафон Фаберже взял стакан и чокнулся с Глебом. Выпил залпом. Зажмурился, словно в стакане был чистый спирт. Он явно не привык к водке, по крайней мере, к такой — дешёвой и тёплой.

Володин вообще-то не пил водку — эти две бутылки он купил специально для ювелира. Нужно же было как-то разговаривать его, причём в кратчайшие сроки, без завязывания длительной дружбы. А как это сделать, если он получил приказ действовать мягко? Только водкой — другого способа Глеб не знал.

С силой выдохнув, он посмотрел на Фаберже — тот старался держаться с достоинством, хотя в глазах стояли слёзы. Глеб дружелюбно улыбнулся.

— Вы не пьёте?

— Пью, но... — ювелир задумался на мгновение, — не так. Не в таких...

— Условиях? — Глеб ухмыльнулся, но тут же осёкся, чтобы не выдать своё глумление. Конечно, сын знаменитого Карла Фаберже, наследник ювелирной империи, даже сейчас живущий не где-нибудь, а в «Метрополе», не привык бывать в коммунальных квартирах. Здесь нет ничего, что напоминало бы ему о прошлой богатой жизни — понятно, что он

стесняется и не знает, как себя вести, чтобы не обидеть обитателя этого жилища.

— Нет. — Ювелир помотал головой. — Не в таких обстоятельствах. Не после ограбления, пусть и неудавшегося благодаря вам. Меня, бывало, и раньше грабили, но это были солдаты, а не дети. И уж точно не у самих стен Кремля.

— Это что! — Володин махнул рукой. — Поговаривают, что такая же ватага беспризорников как-то разнесла киоск на Лубянке, прямо перед зданием ЧК. И сам Дзержинский якобы стоял у окна и бессильно наблюдал за преступлением.

Глеб проговорил это вполголоса, радуясь, что подслушать его короткий рассказ некому. Разве что кто-то посторонний стоял под дверью, прижавшись ухом к замочной скважине. Но там не могло никого быть — стояла глубокая ночь. Иначе неприятностей было бы не избежать — объясняй потом, что подобная крамола в адрес Железного Феликса — просто часть спектакля.

— Врут, я вам так скажу, — заявил Фаберже. — Не такой это человек, Дзержинский, чтобы стоять и смотреть. — Он наклонился поближе к Володину. — Вы бывали в подвалах Лубянки?

Он произнёс это таким ледяным голосом, что Глеб вздрогнул. Ювелир смотрел на него, не мигая, и в его глазах промелькнула боль. Только сейчас чекист по-настоящему взгляделся в лицо своего собеседника, впервые восприняв его не как «объект», а как человека, и увидел на нём отпечаток пе-

ренесённых тягот. Агафон Фаберже выглядел совсем не так, как на фотографии из досье. Вместо молодого человека с открытым, почти детским лицом, на котором так чужеродно смотрелись усики, отпущенные, видимо, специально, чтобы спрятать эту детскость, на Володина смотрел пожилой мужчина, рано постаревший, лысеющий, покрытый морщинами. В глазах застыла тихая печаль, и Глеб был уверен, что не недавнее происшествие в Александровском саду — её причина.

— Нет, не бывал, — ответил чекист.

— А я бывал. И с Дзержинским сталкивался. И поверьте, когда мне говорят, что он молча смотрел, как шайка малолетних бандитов разносит ларёк под его окном, мне хочется смеяться. Вот только смеяться я, к сожалению, разучился.

Володин ничего не ответил, только вновь наполнил стаканы.

— Я почти год провёл в лагере! — продолжал Фаберже. Вся его неуверенность куда-то улетучилась. Что было тому причиной? Водка? Или та болезненная тема, которой Володин случайно коснулся в разговоре? — Знаете, что происходит в красных лагерях? Не знаете. Не нужно вам этого знать!

Они выпили и закусили.

— А чем вы занимаетесь теперь? — спросил Глеб, хотя прекрасно знал ответ.

— Это тоже очень смешно, — сказал ювелир и впрямь издал нервный смешок. — Теперь я работаю на них, на своих

палачей.

— Как это?

— Вот так. Перебираю и оцениваю содержимое сундуков, похищенных из царских дворцов. Что вы так смотрите? Да-да, именно похищенных. Или я ошибся, и вы революционер?

— Вовсе нет, — замялся Глеб. — Я наоборот...

— Вы из дворян?

— Из разночинцев.

— Не будете спорить, что ценности у их законных владельцев просто украли?

— Не буду, — ответил Володин после короткого раздумья. — Я с вами согласен. Давайте стакан.

Они снова выпили. Фаберже встал, снял пальто и аккуратно повесил на спинку стула.

— Хватит обо мне, надоело. Скажите, вы во ВХУТЕМАС не думали поступить? Там, говорят, неплохо обучают. Если у вас есть способности...

«ВХУТЕМАС, Высшие художественно-технические мастерские, — выудил из памяти Володин. — Работают уже второй год, находятся в двух шагах от Лубянки — я часто хожу мимо. А ведь и правда, почему человек, мечтающий стать художником, не поступил туда? Нужно выкручиваться!»

— Какой там! Я же рисовать толком и не научился — говорю же, революция помешала. Вон в комодке мои наброски, в верхнем ящике. Можете посмотреть — сами увидите, какие у меня «способности».

Фаберже направился к комоду. Володин замер. Сейчас наступит момент истины. Как воспримет Агафон рисунки, которые Глеб пытается выдать за свои? Не слишком ли они плохи? Или, что было бы хуже, не покажутся ли они ему слишком хорошими для того, кто не умеет рисовать?

Ювелир достал из ящика стопку карточек, поднёс поближе к лампе и стал перебирать. Иногда взгляд его задерживался на каком-нибудь рисунке, и он наклонял голову, стараясь взглянуть как бы с другого угла. Глеб наблюдал, затаив дыхание.

В конце концов Агафон, не говоря ни слова, вернулся к комоду и положил стопку рисунков на место.

— А это что? — внезапно спросил он, заметив что-то в ящике. — Марки? Можно посмотреть?

Не дожидаясь ответа, он быстрым движением вытащил из комода тонкую книжицу. Володин купил её перед самым уходом с Сухаревки — ему удалось найти ровно такой альбом для марок, какой он искал — старый, потёртый, с надписью на обложке, выполненной ещё по старым правилам правописания.

— Ого! — воскликнул Фаберже. — Вы филателист?

— Я немного увлекаюсь, — скромно ответил Глеб. — А вы? Вы тоже интересуетесь?

— Можно сказать и так.

Ювелир явно поскромничал. Из его досье Володин узнал, что Агафон Фаберже — один из известнейших филатели-

стов не только в России, но и во всём мире. Его коллекции русских, финских и польских марок, не имевшие себе равных, содержали поистине уникальные экземпляры, некоторые из которых были подарены самим Кровавым императором.

— У вас тут неплохая коллекция! — со смесью удивления и восхищения заявил Фаберже, бегло пролистав альбом.

Он сел за стол, поднял стакан, уже наполненный Глебом, и выпил, не отрываясь от пожелтевших страниц. Но неожиданно замер и медленно поднял глаза на Володина.

— Кто вы такой?

Глава 13

Москва, 2022 год

Кирилл вихрем ворвался в свою комнату, на ходу закинул на вешалку куртку и рюкзак, набитый книгами — он всё-таки взял их домой из библиотеки — и плюхнулся на кровать.

— Ну, много накопал? — спросил он Олега. Тот от неожиданности поднял бровь — уж слишком стремительным было появление друга. Удивительно, но помимо ноутбука, привычно примостившегося на пузе, ручки и клочка какой-то бумажки для записок, рядом с Олегом не было ничего: ни пивной бутылки, ни чипсов, ни прочей гадости. Неужели он настолько серьёзно воспринял запрет Кирилла? Или в азарте поиска просто не подумал о таких обычных для себя вещах?

— Много. Хотя и не так много, как хотелось бы, — проворчал Олег. — Есть даже упоминания о каких-то найденных кладках Фаберже, но, по-моему, это какая-то лажа. А у тебя что?

— Да почти ничего. Узнал много про семью Фаберже, про их жизнь в эмиграции, но почти ничего про последнее яйцо.

— Та же фигня. Ну, кто первый начнёт?

— Да без разницы. Дай только кофе сделаю, а то чуть не задремал в этой библиотеке. Всё же биографии и мемуары — не самое интересное чтение.

— И мне сделай, раз уж ничего другого у нас нет. — Олег

громко вздохнул. — А я пока готовлю конспект. Готов ответить у доски, Кирилл Александрович!

Кирилл нехотя улыбнулся, от души насыпал растворимого кофе в две кружки и пошёл на кухню.

Коридор общежития казался безжизненным только на первый взгляд. Несмотря на поздний час и завтрашнее начало учебной недели, за закрытыми дверьми кипела жизнь. Кое-где слышались разговоры и смех, откуда-то доносились звуки фильма или компьютерной игры, а где-то тихо звучал перебор гитарных струн. «Студенты, — усмехнулся Кирилл, как будто к нему это определение не относилось. — Никогда не спят».

Вот и на кухне он оказался не один. За столом у окна сидел Артём и старательно уминал варёную картошку и котлету размером с добрый лапоть.

— Здорово, Кир! — поприветствовал приятеля Артём, едва успев прожевать очередную порцию еды. — Олег дома?

— Дома-дома, — ответил Кирилл, разливая по кружкам горячую воду. — Что само по себе довольно необычно.

— Это уж точно. Ну ладно, сейчас доем и зайду к вам.

«А вот это совершенно ни к чему, — с раздражением подумал Кирилл. — Тебе и своих открытий хватает, чтобы ты ещё и в наши лез».

— Заходи. — Он неохотно пожал плечами. — Думаю, спать Олег ещё долго не ляжет.

Когда Кирилл подходил к своей комнате, раздался корот-

кий звуковой сигнал его телефона. Глянув на свои занятые чашками руки, он неуклюже подцепил локтем ручку двери и ввалился в комнату. Олег сидел сбоку от стола, подперев голову кулаком.

— Ну наконец-то, я уж заждался. Не терпится обменяться информацией!

— Сейчас, минуту. — Кирилл сунул ему кружку с кофе и полез в карман. Взглянув на сообщение, он хмыкнул. — Отличный ход, Вероника, просто великолепный.

— Что там? — поинтересовался Олег, пытаясь заглянуть в экран.

— Да вот, послушай: «"Созвездие" — это последнее яйцо Фаберже, недоделанное. Нужно встретиться завтра!»

— И зачем она нам об этом сообщила?

— Затем, что это самое верное, что она могла сделать. Сам посуди: её дед, скорее всего, знает о яйце, а следовательно, и она. Но им неизвестно, знаем ли мы. Если мы знаем, то теперь не сможем скрывать от неё эту информацию и водить за нос. А если мы до этого момента не знали, то получается, что это именно она нашла разгадку и сообщила нам. Как мы теперь можем не привлечь её к поискам?

— Конгениально! — воскликнул Олег.

— Это слово означает совсем не то, что ты и твой литературный кумир думаете, — не сдержался Кирилл.

— Литературный? — удивился Олег. — Я вообще-то цитировал Остапа Бендера из фильма «12 стульев». Ты что, не

смотрел?

Кирилл от такого заявления открыл рот, не в силах подобрать нужных слов. Неужели ему в союзники достался *такой* человек?

Но Олег, покрасневший от натужной попытки сдержать смех, не выдержал и громко расхохотался.

— Да шучу! Видел бы ты себя! Конечно, я читал Ильфа и Петрова. А ты думал, я настолько тёмный?

— Да нет... — соврал Кирилл.

— Ладно, чтобы не травмировать твою нежную филологическую душу, обойдусь без отсылок к классике и скажу банальное: «Гениально!»

— Гениально не гениально, но и правда очень неплохо. Интересно, она сама это придумала или её дед надоумил? Если она так умна и будет постоянно торчать рядом, нам придётся нелегко.

— А мы по-прежнему ей не доверяем, да?

— Да, — отрезал Кирилл, подумав: «Как и тебе». — Ладно, давай к Фаберже.

Он дёрнулся к столу, готовый наконец заняться делом, но тут дверь распахнулась.

— Что за разговоры о Фаберже? — бодро воскликнул Артём, входя в комнату.

— Да так, — отмахнулся Кирилл, на ходу придумывая ответ. — Выбираем, какой фильм посмотреть.

— Эх, молодёжь, — своим обычным менторским тоном

заявил Артём. — Не слушаете вы меня.

— Ты чего хотел от Олега-то? А то время уже позднее, а мы даже с фильмом не определились.

— Так фонарь забрать, — ответил Артём. — Олежа, починил?

— Не успел, извиняюсь. Решил, знаешь ли, заняться учёбой — весь вечер за конспектами просидел. Так что возьми пока мой — он мощнее и даже немного компактнее. Вернёшь, когда твой починю.

Артём согласился, взял фонарь и вышел из комнаты.

— Хорошо, что быстро отвязался, — заметил Кирилл. — Но ты зря про учёбу сказал — он ни за что не поверит, что ты и правда решил взяться за ум. Начнёт ещё подозревать что-нибудь.

— То есть я, по-твоему, нормально учиться не способен? — возмутился Олег и театрально упёр руки в бока. — Нет, ну ты правда меня каким-то болваном считаешь!

— Да я просто... — Кириллу внезапно стало стыдно. — Всем ведь известен твой образ жизни, так сказать.

— Да-да, конечно. Олег — раздолбай, — Он постарался изобразить обиду, но плохо скрываемая улыбка выдавала, что он не злится. — Зато как сложную технику починить — это к Олегу. Как будто мобилы ремонтировать так просто! Я, чтоб ты знал, нормально учусь — без пятёрок, конечно, но и почти что без троек. С моим, как ты говоришь, «образом жизни» лучше быть на хорошем счету у преподавов. Ко-

нечно, иногда приходится кому-нибудь из них ноутбук починить или ещё что...

— Ладно, извини. Не хотел тебя обидеть, — тихо проговорил Кирилл. Сказанное его удивило: жизнью своего соседа он почти не интересовался, знал лишь, что тому каким-то образом удаётся вовремя закрывать сессии и успешно переходить на следующий курс.

— Да я не обиделся. — Олег махнул рукой. — Кстати, Артём тоже часто посещает вечеринки — иногда даже те же, что и я. А учится он лучше всех, кого я знаю. Включая тебя, между прочим.

— Что правда, то правда. Не перестаю удивляться тому, как у него на всё хватает времени. Ну что, начнём?

Не дожидаясь ответа, Кирилл достал из рюкзака блокнот, в который записывал всю важную информацию, и начал рассказ:

— Итак, жил-был Карл Фаберже...

— ...и было у него три сына. — Олег прыснул.

— Так, хорош паясничать, — сказал Кирилл сердито. — Сыновей было четыре. Но нас действительно интересуют только три...

— ...потому что младший, Николай, ещё с 1906 года жил в Лондоне и работал в тамошнем отделении фирмы «Фаберже», поэтому к «Созвездию» не может иметь никакого отношения. Я тоже в курсе, Кир, поэтому и пошутил про трёх сыновей.

— Про трёх сыновей, которые жили и работали в России: старший Евгений, Агафон и Александр. У каждого была своя судьба, свои увлечения и своя интереснейшая биография...

— ...и свои причуды. Например, Александр взял себе отчество Петрович по второму имени отца — Петер, чтобы его по инициалам не путали с братом Агафоном.

— Инициалы! — чуть ли не закричал Кирилл и тут же прикусил язык. — Инициалы, Олег! — повторил он шёпотом. — «А.Ф.» — это либо «Агафон Фаберже», либо «Александр Фаберже»! Вот бы узнать, кому именно из них принадлежали часы.

— Скорее всего, Александру. Ты же прочитал про то, что Карл Фаберже несправедливо обвинил Агафона в присвоении денег фирмы и прекратил всякие отношения? Это случилось, секунду... — Он заглянул в свои записи. — Это случилось в 1916 году. Сам Агафон обиделся и на отца, и на братьев за то, что они поддерживали отца, а не его, поэтому не должен был принимать никакого участия в работе над яйцом 1917 года.

Кирилл внимательно выслушал это, а когда приятель закончил, заявил:

— А у тебя, Олег, действительно иногда бывают светлые мысли!

— Да моя голова только из них и состоит! Правда, насчёт этой конкретной есть сомнения, потому что...

— Погоди, — перебил Кирилл. — Сомнения озвучишь потом. Что у нас дальше?

— А дальше у нас революция, из-за которой работа над яйцом не была завершена. Жаль, я в истории не слишком разбираюсь. Ты уверен, что нам не понадобится помощь Артёма?

Кирилл задумался. Конечно, помощь историка может быть очень кстати: они уже начали погружаться в события вековой давности — кто знает, какие ещё изыскания предстоит провести? Историк пригодится, но... не Артём с его жадной наживы. Не говоря уже о том, что Кирилл в принципе не хотел привлекать новых людей — особенно тех, которым не мог доверять.

— Уверен, — серьёзным тоном ответил он. — У меня есть историк не хуже. Завтра же позвоню Алисе, прямо с утра! Уверен, она тут же примчится.

— Так давай порадуем её тщательно отобранными сведениями. Не будем терять времени, ведь время — деньги. Как говорится, видишь деньги — не теряй времени.

«Зря он завёл разговор о деньгах, — подумал Кирилл. — Что, если и Олег окажется таким же жадным до старинных сокровищ аферистом, как и Артём? Или Покровский? Или Григорьев? Или... Коллекционер?»

Вспомнив о таинственном охотнике за редкостями, чья личность так и оставалась неизвестной, Кирилл неприязненно поморщился. Именно Коллекционер не давал ему прохо-

да во время поисков рукописи Гоголя. Его подручный, громила Мирон, несколько раз тогда до полусмерти напугал Кирилла своими вымоганиями и погоней по Арбату. Да, в итоге Мирон оказался вроде как приличным человеком и постарался убедить студента в том, что Коллекционер действует исключительно законными методами. Но что будет, когда в его поле зрения попадёт нечто более ценное, чем потерянная рукопись, которую тот считал, по словам Мирона, «просто писульками»? Например, яйцо Фаберже?

— Да, давай продолжим, — согласился Кирилл, отгоняя тревожные мысли. — Что там после революции?

— Они все начали сваливать. Карл Фаберже покинул страну в 1918 году и через два года умер в Швейцарии, Александр уехал в 1920-м, Евгений — в 1923-м. Агафон задержался дольше всех и эмигрировал только в 1927-м...

— ...перед этим успев поработать на советскую власть, занимаясь оценкой изъятых из Зимнего дворца сокровищ, — закончил Кирилл. — Получается, что тот, кто много лет не общался с семьёй, оставался в России дольше всех. И, как мы предполагаем, не мог спрятать яйцо. Значит, оно было спрятано гораздо раньше — не Агафоном, а кем-то другим.

— Я бы не был так в этом уверен, — с непонятной Кириллу угрюмостью произнёс Олег. — Я допустил, что часы принадлежали Александру, потому что Агафон в тот период времени не общался с семьёй и не мог принимать участие в создании яйца. И как раз насчёт этого у меня есть сомне-

ния. — Он выдержал паузу. — Ведь именно Агафон Фабер-
же передал в музей то, что сейчас известно под названием
«последнее императорское пасхальное яйцо 1917 года».

Глава 14

Москва, 1922 год

— Что? — удивился Глеб. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, кто вы такой? — Он чеканил каждое слово, словно вколачивал гвоздь в крышку гроба, хороня план Володина.

Глеб молчал.

— Вот эта марка. — Ювелир развернул альбом и указал пальцем. — Откуда она у вас?

— Досталась от отца, — тут же отреагировал Володин, понимая, что где-то он всё-таки ошибся.

— Вы врёте! Врёте! — Фаберже вскочил, опрокинув стул. — Вы врёте!

Он заметался между столом и дверью, широко шагая и жестикулируя.

— Такая марка есть только у меня и ещё у пяти человек в России! И я лично знаю каждого из них! У вас не может быть этой марки! Если только... — Он остановился как вкопанный и посмотрел на Володина округлившимися глазами. — Если только чекисты не отобрали её у законного владельца вместе с другим имуществом.

Глеб резко поднялся с кровати, как будто и не был ранен, подскочил к ювелиру и схватил его за локоть.

— Сядьте. Сядьте, Агафон Карлович, я вам приказываю!

Он дёрнул Фаберже по направлению к упавшему стулу. Тот безвольно повиновался, разом потеряв всю нахлынувшую на него уверенность.

— Вы чекист... — прошептал он. — О боже, как я мог поверить...

— Поднимите стул и садитесь, — скомандовал Володин, опускаясь на кровать. Он снова налил в стаканы водку.

Он не мог представить, что творится в голове у Фаберже. Гнев? Смятение? Страх? Наверное, всё разом. Взгляд ювелира метался между Володиным, столом и дверью — ему явно хотелось выйти, а скорее даже выбежать из квартиры.

— Вы не в тюрьме и не в подвале Лубянки, Агафон Карлович, а я вам не тюремщик. Вы можете уйти, когда захотите. Но я вам предлагаю просто поговорить.

Фаберже пристально посмотрел Володину в глаза, затем опустил плечи и сел на стул.

— О чём вы хотите говорить? — произнёс он, уставившись в стол и подвигая к себе стакан. — О чём вообще вы можете хотеть со мной говорить? — Он выпил, но закусывать не стал. — Я же работаю на советскую власть, как и вы!

— Я не работаю на советскую власть, я служу советскому народу! — огрызнулся Володин, и тут же укорил себя.

— Вот как? А я думал, вы боролись за то, чтобы никто никому не служил. Как же так?

— Это вопрос формулировки. А служба моя добровольна, в отличие от тех, кто служил барам при царе.

— Вы, молодой человек, — он выделил интонацией слово «молодой», подчёркивая возраст Володина, — удивитесь, если узнаете, кто, кому и по каким причинам служил. Или вы, может, думаете, что в Белой гвардии — сплошь офицеры, командующие офицерами? Если бы весь народ так поддерживал революцию, как вам рассказывают ваши вожди, кто бы тогда воевал с красными? Да вы сами-то выпейте, потом подумаете.

Володин последовал совету, заел луком и с прищуром посмотрел на Фаберже.

— Не морочьте мне голову своей контрреволюционной пропагандой! — повысил тон чекист. — Откуда вам знать, что в голове у народа? Вы же никогда ни с кем из простых людей не знали! Делали цапки для тех, кому человек — крестьянин, рабочий, солдат — что вошь! Я листал ваши старые каталоги — за стоимость одной вещицы можно было целую деревню полгода кормить! Вы потакали низменным желаниям буржуазии и наживались на этом! А что вы сделали для людей?

— Глеб, — мягко сказал Фаберже и потёр переносицу, — вы слишком молоды, чтобы понять. Сколько вам, двадцать? Двадцать пять?

— Мой возраст не имеет значения! — взревел Володин. — Я через многое прошёл! Я был на фронте!

— Вы были на фронте Гражданской войны, но не Второй Отечественной, я прав?

— И что?

— И то, что вы не знаете, сколько изделий произвела фирма «Фаберже» для фронта в военное время. Кружки, чайники и котелки для солдат, шприцы и стерилизационные кастрюли для сестёр милосердия, не говоря уже о наградных предметах вроде портсигаров. — Ювелир выдержал паузу. — Мы делали даже гранаты и гильзы для снарядов.

Для Володи́на это стало ударом. Слова Агафона означали, что вся намеченная чекистом линия поведения бесполезна: как воззвать к совести человека, обвинив в безразличии к судьбам простых людей, если его фирма несколько лет занималась именно тем, что поддерживала этих самых простых людей на войне?

— К тому же, — продолжил ювелир, заметив смятение собеседника, — зря вы утверждаете, что мы выпускали продукцию только для богачей. До революции, которая, по заявлениям ваших вождей, нужна была для того, чтобы освободить народ из-под гнёта капиталистов и аристократов, даже извозчики и горничные могли позволить себе изделия «Фаберже». Не усыпанные камнями золотые портсигары, конечно, но вполне милые безделушки: брошку, зеркальце или табакерку. А что могут позволить себе извозчики и горничные сейчас? Что *вы* *самим* можете себе позволить?

Глеб молчал. Ему нечего было ответить. Над такими вещами он никогда не задумывался — он привык лишь выполнять приказы, ведомый яростью к правящим классам. Его не

учили задавать сложные вопросы и отвечать на них. Поэтому он нашёл единственный выход из ситуации: раз ювелира не удалось разговорить, а потом и убедить, то стоит попробовать ещё одно средство — запугать.

— Вы не думали, что такие разговоры могут снова привести вас на Лубянку? — тихо проговорил он и с удовлетворением заметил, как по лицу Фаберже пробежала тень жутких воспоминаний. — Не беспокойтесь — если вы ответите на мои вопросы, вам это не грозит. Вы мне симпатичны, Агафон Карлович, я не желаю вам вреда. К тому же вы не сбежали, когда меня — чужого вам человека — ранили, а помогли добраться до дома. Вы храбрый человек.

Лицо Агафона озарила внезапная догадка.

— Это вы подстроили? Эти беспризорники — вы же сами их и подослали, да?

— Нет, — мотнул головой Володин. — Это вышло само собой, хотя, признаюсь, идея неплоха. Рану я получил случайно, и, пусть она не так серьёзна, я благодарен вам за помощь.

— Так о чём вы хотели со мной говорить?

— О сокровищах вашей семьи, конечно же.

Фаберже грустно улыбнулся.

— А что, в ваших досье не сказано, что я уже много лет не общаюсь с семьёй? Отец отрёкся от меня, и с тех пор я не занимался делами фирмы.

— Но с братьями-то вы общаетесь?

— Нет. — Улыбка мгновенно слетела с губ Агафона. — Нет, с братьями я не общаюсь.

— И где ценности, не знаете?

— Посмотрите на меня, Глеб! Неужели я похож на того, кто знает, где ценности? Может быть, я живу в дорогом особняке? Да хотя бы просто в своём доме? Может, я одет как человек, сидящий на сундуках с золотом? Я вынужден работать на людей, которые лишили меня всего! — Он встал и опёрся руками о стол. — Вы знаете, что красные сделали с моей дачей под Петроградом? Её полностью разорили!

— Я уверен, что всё имущество пошло на нужды...

— Нет, вы не поняли: всё имущество уничтожено! Если бы оно попало в музеи или действительно «пошло на нужды» чего бы там ни было, видит Бог, я бы ничего не сказал. Но ваши доблестные красноармейцы просто уничтожили всё, что я собирал долгие годы! Они изрезали прекрасные картины, изорвали старинные книги, разодрали на лоскуты антикварную мебель! Скажите, Глеб, это что, люди? Это даже не животные — животные так не поступают.

Глеб слушал, не произнося ни слова. Разговор явно свернул не в то русло. Он-то хотел убедить ювелира в том, что лучше сотрудничать с новой властью, раскрыть тайники, поделиться своими ценностями с народом. Ведь новая власть представляет именно народ. Но убедить в чём-то человека, который так яро ненавидит эту власть, казалось невозможным.

— Зачем вам так называемые «сокровища Фаберже»? — продолжил Агафон, немного успокоившись. — Дайте угадаю, чтобы продать на запад? Презируемым вами капиталистам?

— Возможно, — нехотя согласился чекист. — Но у нас благородная цель: мы должны покончить с голодом. Вы же знаете, что там творится? Люди гибнут!

— Я вам так скажу, Глеб. — Фаберже сел и поставил локти на стол. — Антиквариата с одной только моей разорённой дачи хватило бы, чтобы, если не покончить с голодом, то хотя бы облегчить его последствия в какой-нибудь небольшой губернии. Представляете? Ваши brave бойцы могли не уничтожать картины и кресла, а вывезти всё и передать властям. А власти — допустим, что их дела не разошлись бы с заявлениями — уже продали бы, пусть даже и капиталистам. Вот так просто, практически по щелчку пальцев, можно было бы побороть голод. А теперь представьте, сколько таких дач, усадеб и дворцов они разорили по всей стране. И сколько продовольствия можно было бы купить на деньги с продажи хранившихся там ценностей.

Глеб молча поднялся, сходил к буфету за новой бутылкой и вернулся за стол. Фаберже продолжал:

— Вы сами руками солдат, которые, как вы, безусловно, верите, так преданы Революции, уничтожаете нашу страну! Они набивают карманы сокровищами графов и князей, а всё, что не блестит, как золото и бриллианты, просто уничтожа-

ют. Хотите найти деньги, чтобы покончить с голодом? Поищите по шинелям ваших бойцов! А мне с вами поделиться нечем.

Володин молчал. Его мозг усиленно работал, глаза нервно бегали по сторонам. Что делать? Сокровища Фаберже до сих пор где-то спрятаны — в этом нет сомнений. Он получил приказ — не выполнить его, значит подвести Республику! Но как же разорённая дача? Что насчёт разграбленных дворцов? Неужели всё, о чём говорит Фаберже, правда? Этого просто не может быть!

Фаберже сверлил Володина оценивающим взглядом: на лице того читалась растерянность. Казалось, чекист впервые попал в ситуацию, когда всё пошло не по плану. Столкнувшись лицом к лицу с человеком, вооружённым не оружием, но какими-никакими аргументами, Володин не знал, что делать. И сделал единственное, что ему оставалось, — попросил.

— Направьте меня, — вполголоса проговорил он.

— Что? — удивился Фаберже.

— Ваш брат Евгений устроил по всему Петрограду множество тайников. Какие-то из них мы обнаружили. Другой ваш брат, Александр, проделал то же самое в Москве. Некоторые ценности мы также изъяли, но точно не все. Я прошу вас: направьте меня, подскажите, где искать. Я обещаю вам... нет, я клянусь, что сделаю всё, что в моих силах, чтобы эти ценности пошли на благое дело. Моя власть крошеч-

ная, но я постараюсь.

— Вы не понимаете или не хотите понять, Глеб! — Фаберже снова встал из-за стола и принялся ходить по комнате. — Я ничего не знаю о сокровищах! Меня вычеркнули из семьи шесть лет назад. Шесть лет я не имею отношения к компании «Фаберже»! Я не Евгений, который управлял магазином в Петрограде, и не Александр, который руководил московским отделением — я ничего не знаю о делах фирмы! — Он остановился перед Володиным, тяжело дыша. — Я прекрасно понимаю, что, скорее всего, никто из нас никогда не увидит этих ценностей, поэтому для себя мне их беречь нет никакого смысла. И я даже готов был бы вам поверить и раскрыть их местонахождение, но мне оно неизвестно. Неизвестно, понимаете?! Ваши... коллеги три года назад были далеко не так обходительны, как вы, но и им не удалось ничего от меня узнать. Как вы думаете, почему?

Володин молчал. Всё, чем он занимался несколько последних дней, оказалось бесполезно. Если даже палачам с Лубянки не удалось ничего вытрясти из этого человека, явно не обладающего железной волей, то что может сделать он? Что-то в словах Фаберже заставило Глеба поверить, что тот и правда ничего не знает. Но изнутри всё равно точил вопрос: если бы ювелир не раскусил обман Володина, к чему бы это привело? Смог бы он поделиться хоть чем-нибудь полезным, если бы разговор шёл между двумя добрыми знакомыми, а не идейными противниками?

— Я с вами согласен, Глеб, что пока ещё не все ценности найдены вашими сотрудниками, — прервал размышления чекиста Агафон. — Иначе шуму бы было... Знаете, сколько всего хранилось на складах фабрик и в сейфах магазинов в лучшие времена? Сырьё, готовые изделия, частные заказы, драгоценности, принятые на сохранение от клиентов... Все же верили, что хотя бы знаменитую семью Фаберже не тронут, и несли в наши сейфы своё имущество. Сколько у нас всего было... Вы бы видели наши конторские книги, Глеб! Собрание сочинений вашего великого Ленина показалось бы вам кучкой жалких брошюр.

И Агафон Фаберже от всей души расхохотался, а из его глаз хлынули слёзы. Спустя пару мгновений к нему присоединился и Глеб. Керосин в лампе давно закончился, поэтому чекист и бывший наследник великой ювелирной империи едва ли видели друг друга — они просто сидели в погружённой в темноту комнате и смеялись. А потом наполняли стаканы и выпивали. Они больше не говорили ни о политических режимах, ни о драгоценностях, ни о семье Фаберже — обо всём, кроме этого. И, несмотря на то, что Агафон был вдвое старше своего собеседника, им удалось найти общий язык и даже в какой-то мере понять друг друга.

Володин проводил гостя глубокой ночью, когда обе бутылки опустели, а от скромной закуски остались одни крошки. Он знал, что больше никогда не увидит Агафона Фаберже.

А вот чего Володин не знал, так это того, что ювелир, придя спустя полчаса в свой номер гостиницы «Метрополь», снял пальто, разулся, извлёк из тайника в каблуке ботинка с полдюжины мелких бриллиантов и спрятал их в тайнике под паркетной доской, где уже хранились несколько драгоценных камней и две полусферы из синего стекла.

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.